

Княгиня Ольга ПЛАМЕНЕЮЩИЙ МИФ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

Е. ДВОРЕЦКАЯ

Елизавета Дворецкая

**Княгиня Ольга.
Пламенеющий миф**

«Автор»

2020

Дворецкая Е. А.

Княгиня Ольга. Пламенеющий миф / Е. А. Дворецкая —
«Автор», 2020

Образ княгиня Ольги окружен бесчисленными загадками. Правда ли, что она была простой девушкой и случайно встретила князя? Правда ли, что она вышла замуж десятилетней девочкой, но единственного ребенка родила только сорок лет спустя, а еще через пятнадцать лет пленила своей красотой византийского императора? Правда ли ее муж был глубоким старцем – или прозвище Старый Игорь получил по другой причине? А главное, как, каким образом столь коварная женщина, совершавшая массовые убийства с особой жестокостью, сделалась святой? Елизавета Дворецкая, около тридцати лет посвятившая изучению раннего средневековья на Руси, проделала уникальную работу, отыскивая литературные и фольклорные параллели сюжетов, составляющих «Ольгин миф», а также сравнивая их с контекстом эпохи, привлекая новейшие исторические и археологические материалы, неизвестные широкой публике.

© Дворецкая Е. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Вступление	5
Единая в трех лицах	5
Образы княгиня Ольги	9
Источники наших знаний	15
Часть первая	18
Природа княжеской власти в раннем средневековье	30
Имя свое приняла она, кажется...	39
Об одной потерянной династии	43
За нею следовали ее родственницы-княгини...	52
Княгиня Ольга и символика перевоза	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Елизавета Дворецкая

Княгиня Ольга. Пламенеющий миф

(историко-литературное исследование)

Вступление

Единая в трех лицах

Образ княгини Ольги является, без преувеличения, одним из столпов русской национальной культуры. Истории известны многие десятки знаменитых женщин – правительниц, воительниц и святых, – но едва ли кто-то может равняться с ней по силе оказанного влияния на формирование и общественного, и культурного облика страны. Ольга буквально краеугольный камень русского государства и русской православной церкви. В ней соединились женское обаяние, мощь государственного деятеля и героический дух раннесредневекового идеала, благодаря чему она не имеет себе равных и до сих пор будит воображение наших современников.

В то же время образ Ольги весьма и весьма неоднозначен. Он двоится и троится. Первый образ – реальная живая женщина, правительница, жена, мать и бабушка. Второй – православная святая, «начальница веры» (от слова «начало»). Третий – героиня мифа, живущая в особом мифологическом пространстве. В первом из этих качеств Ольга умерла 11 июля 969 года, более тысячи лет назад. Во втором и третьем живет до сих пор, причем ее мифологический образ продолжает развиваться. Однако большинство описаний и даже исследований и сейчас продолжают объединять все три образа в один. А этого совершенно не следует делать. Моя работа ставит себе цель разделить, насколько это возможно, три образа Ольги, показать, где заканчивается реальная женщина и начинается героиня мифа, а также выделить черты, характерные для каждой из них.

На примере образа Ольги очень хорошо видно: исходное событие либо образ (А) и созданный на его основе миф (Б) – это совершенно разные вещи. Любое общественно значимое событие (в том числе судьба выдающейся личности) быстро отрывается от источника в реальности и начинает жить своей жизнью, развиваясь уже не по реальным, а по мифологическим законам. Миф сам творит понимание себя, которое разных людей вдохновляет на борьбу за их идеалы (разные идеалы причем), становится неотделимой частью культуры, из которой родился и которую питает собой. Нет смысла доказывать, что Б не равно А и «вообще все было не так». Просто надо понимать, с чем имеешь дело – с А или с Б. С историей реального сражения у разъезда Дубосеково или с мифом о подвиге двадцати восьми панфиловцев – причем, подчеркиваю, расхождения между первым и вторым вовсе не умаляют высокое значение мифа, и любовь к исторической правде вовсе не требует разрушения мифа. Просто нужно уметь аккуратно отделить одно от другого. Миф имеет свою самостоятельную духовную ценность, а строгая, хроникальная правда – свою. Они живут в разных пластах реальности, и все эти пласты одинаково ценны. Надо осознавать разницу между ними – это поможет нам лучше понимать и историю нашу, и самих себя. Ведь если историческая Ольга – это древняя княгиня, то мифологическая Ольга – это мы с вами. Та часть духовного образа народа, которую мы вложили в нее сами.

Что касается княгини Ольги, то она была, пожалуй, одним из первых (если не вовсе первым) в русской истории примером того, как из реального явления получился миф. Мифами стали практически все ее ближайшие родственники и кое-кто из окружения, но «сказание об

Ольге» было по времени создания, скорее всего, первым. Этому способствовали два основных фактора: огромное влияние, оказанное Ольгой на жизнь Руси, и то самое ее первенство по времени. Она жила слишком рано для того, чтобы о ней могло сохраниться достаточно много реальных сведений: письменной, хроникальной фиксации событий при жизни ее на Руси не существовало. Киевский митрополит Иларион упомянул о ней в своем «Слове о законе и благодати» (создано между 1037 и 1050 гг.): «...ты же (князь Владимир – Е.Д.) с бабкою твоею Ольгой веру утвердил, крест принеся из нового Иерусалима, града Константинова...» – это первое собственно русское свидетельство о ее существовании, сделанное более чем полвека спустя после ее смерти.

В ту эпоху история и предание не различались еще никем – и поэтому легенда почти сразу захватила Ольгу в свои цепкие объятия, буквально зажевала и перестроила образ под себя. И чтобы разглядеть реальную женщину под множество наброшенных мифом покровов, нужно проделать немалую работу. Мы постараемся это сделать, стремясь при этом к тому, чтобы не подменять чужие домыслы своими. По крайней мере, четко обозначим, где кончаются факты и начинаются домыслы.

Я не историк и не научный работник, я писатель-романист. Но раннее русское средневековье я знаю настолько хорошо, насколько это возможно для не специалиста, поскольку лет тридцать занимаюсь только этим. Моя творческая специальность дает мне еще одно преимущество. Я написала цикл исторических романов «Княгиня Ольга», состоящий из двенадцати книг, а для этого мне пришлось буквально ногами пройти все обстоятельства ее жизни и каждую мелочь, каждый факт, событие либо явление рассмотреть так, как они могли существовать и осуществляться в реальной жизни, среди живых людей, именно там и тогда. Например, вот Повесть Временных Лет пишет: «И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге». Тех, из сюжета о «первой мести Ольги», которых потом внесли на руках в гору и сбросили в яму «великую и глубокую» вместе с ладьей. Хорошо, значит, двадцать. Ладья для речного перехода, в которую помещается двадцать человек, должна иметь в длину метров шестнадцать (предположим, что эти «лучшие мужи», то есть старейшины родов, и гребли сами, а отроков с собой у них если и было, то немного). Или, что еще удобнее, это должны быть две ладьи, каждая по десять метров. Какой глубины и ширины должна быть яма, в которую можно сбросить такую ладью, чтобы она сразу упала на дно, не застряв и не зацепившись? В длину – метров семнадцать-двадцать, в ширину – метра три, в глубину... наверное, метра три, а лучше четыре, иначе люди, крепкие мужчины, не спящие и не связанные, смогут вылезти, подсаживая друг друга и опираясь на борта ладьи, пока их будут забрасывать землей. А времени у Ольги на земляные работы было мало, послы не стали бы неделю в ладье жить, ожидая обещанной чести. Да и слухи пойдут. Доброжелатель в Киеве найдется, предупредит, или сами разведчики пошлют посмотреть, чего княгиня так долго копается... ой, там и правда что-то копают! А у Ольгиной челяди экскаватора не было, в наличии имелись деревянные лопаты, в лучшем случае с обитым железом рыльцем. По производительности труда очень сильно уступали современным, из цельного железного листа и с заточенным краем. Как быстро они смогут вырыть такую ямищу? Не наткнутся ли на грунтовые воды? И как быть с вынутой землей? Ведь ее нельзя увезти прочь – она понадобится, чтобы яму засыпать. То есть она должна остаться на месте, вплотную к яме. А это громадные горы земли получатся. Но ведь когда послов понесут к этой яме в ладье, они должны ее не увидеть, иначе они уж постараются как-то спастись. Едва ли эти «лучшие мужи» поголовно были слепыми слабоумными калеками. Из ладьи, несомой на плечах, им должен был открыться прекрасный вид на яму и громадные отвалы возле нее. «Мне сверху видно все, ты так и знай». Значит, и саму яму, и горы земли рядом, и ужасную грязь вокруг надо как-то замаскировать, чтобы с пары шагов было не видно, но при этом так, чтобы маскировка не мешала сбросить ладью, чтобы она сразу упала на дно. А потом яму нужно быстро, очень быстро забросать землей, чтобы те послы, которые не оказались при падении

зашиблены и оглушены, не сумели и не успели вылезти. Конечно, их можно было при этих попытках рогатинами назад спихивать. Но близ ямы должны тесным строем стоять люди с лопатами – не будет места для людей с рогатинами. А бросать землю и бить лопатами по головам одновременно довольно сложно. Да и не дотянешься – ведь землекопам придется стоять на высоком отвале, увязая по колено и отчаянно стараясь самим не ссыпаться вниз вместе со сбрасываемой землей... А на дворе осень, причем уже поздняя. Пройдет дождь – все развезет, земля намокнет и станет неподъемной. Ударят заморозки – все смерзнется...

Видите, сразу сколько проблем всплывает, если попытаешься хотя бы мысленно перенести сюжет предания в плоскость реальности. Это в сказании все проходит гладко, как «на бумаге», а в жизни сплошь «овраги». Проверки на реалистичность многие элементы мифа просто не выдерживают, и здесь вскрываются решительные расхождения между реальным и мифологическим образом Ольги. И становится ясно, что общеизвестный образ, описанный во множестве пособий – он-то как раз мифологический, а не исторический.

Если же попытаться выделить исторический образ Ольги, то вспоминается толстовская поговорка: «Счастье наше, дружок, как вода в бредне: тянешь – надулось, а вытащишь – ничего нет». Откройте любой справочник, бумажный или тем более сетевой – получите длинный рассказ о жизни княгини Ольги с множеством живописных подробностей. Но – внимание! – это вы увидите «Большой миф о княгине Ольге», при создании которого свалены в одну кучу немногие твердые факты с множеством предположений и домыслов. Причем сплошь и рядом домыслы и предположения выдаются за факты – иначе такого длинного и подробного полотна не создать. Логические расхождения между фактами латаются опять же при помощи домыслов, которые при этом множатся, как отражения в бесконечном ряду зеркал.

Бесспорных фактов об Ольге крайне мало. Они следующие:

- происходит из Пскова (оговорки – чуть ниже)
- имела мужа Игоря, сына Святослава, внуков Ярополка, Олега, Владимира
- жила в Киеве
- овдовела примерно на середине жизни
- съездила в Константинополь
- приняла крещение и получила имя Елена
- умерла 11 июля 969 года

Собственно, это все. Все остальное, что вы о ней знаете – или узнаете, открыв упомянутые справочники, – или подвергается сомнению, или происходит из версий, построенных по косвенным данным, или просто является частью литературной легенды. Мы не можем точно сказать, когда она родилась. Летописи дают неправдоподобно ранние даты ее брака (903 год) и десятилетний возраст во время свадьбы, из чего издавна высчитывали год ее рождения как 893-й. Из этого получалось, что единственного сына Ольга родила в пятьдесят с лишним, лет через сорок бесплодного супружества (что явно напоминает библейские сказания), а византийского императора пленила своей красотой, будучи 65-тилетней старухой. (И это при том, что старшая возрастная категория раннесредневековых покойниц по материалам погребений – 50–55 лет.) Из этого противоречия родилась версия, будто у Игоря были последовательно *две* жены, и обе, представьте, Ольги. Более реалистичные даты ее рождения – где-то в 920-х годах – историки получают путем логических исчислений, учитывая факты жизни Святослава (у которого, кстати сказать, тоже точный год рождения неизвестен, является предметом споров и выводится предположительно). Мы не можем сказать, где она родилась. Летопись выводит ее из города Плескова. Принято считать, что имелся в виду Псков, ибо Плесков (от названия реки Плесковы, впадающей в Великую) – его старинное название. Но было немало охотников опровергнуть эти данные. В Плескове видят болгарскую старую столицу Плиску, что придает и образу Ольги, и тогдашней политике Руси совершенно другую окраску. Версия эта имеет почтенный

возраст – она возникла в XV веке и связывает брак Игоря (устроенный Олегом) с желанием заключить союз с болгарским царем Симеоном Великим против Византии. Идея такого союза прижилась в художественной литературе, но в науке обоснований не имеет: несмотря на то, что и Русь, и Болгария веками соперничали и воевали с Византией, их попыток заключить между собой союз против нее неизвестно. Зато враждебные акции, направленные друг против друга и на пользу Византии, предпринимались и той, и другой стороной.

В родном городе Ольги видят Плеснеск (Плиснеск) – город на Волыни (Западная Украина), весьма значительный центр раннего средневековья, позже захиревший и впавший в безвестность. Более поздние литературные памятники делают Ольгу не уроженкой, а основательницей Пскова, из чего возникла версия, что родиной ее нужно считать древний город Изборск (в 30 км от Пскова). В Изборске, по легенде о призвании варягов, правил младший брат Рюрика, Трувор, и Ольга, таким образом, выводится из его потомков... но это мы уже забежали вперед. Все эти попытки связаны с долго бытовавшим убеждением, будто Псков тогда еще не было, а оно, в свою очередь, вышло из легенд о том, что сама Ольга основала не то город Псков, не то Троицкий собор на том месте, где ей было видение трех сияющих лучей среди дремучего леса. Ну а раз в ее время на месте Пскова был дремучий лес, то родиться она там не могла. Однако эти сомнения оказались напрасны, археология впоследствии прояснила этот вопрос: Псков был основан лет за триста до рождения Ольги, и об этом мы поговорим чуть позже.

Сомнению подвергаются и другие обстоятельства ее жизни. Сколько у нее было детей – один или двое? С легкой руки В. Н. Татищева, описавшего, как Святослав замучил своего брата Глеба (как вариант, Улеба, хотя это совершенно разные имена) за веру христианскую, у мифологической Ольги появился второй ребенок. Когда и где она крестилась? Немецкие анналы и русские летописи ясно пишут, что она приняла крещение в Константинополе, но из двух греческих источников, упоминающих о ее визите, крещение в Византии подтверждает только один. Когда это было? Император Константин VII Багрянородный, лично с ней знакомый, подробно описал два приема во дворце, на которых она присутствовал, указал все детали, поставил числа – 9 сентября и 18 октября, но не поставил год. Указанное сочетание числа и дня недели подходит к 946-му и к 957-му годам – и существует огромная литература, посвященная спору вокруг выбора одной из этих дат. Разумеется, есть попытки примирить их путем предположения, что она была в Константинополе дважды, хотя ни в одном источнике нет указаний на *два* визита. А русские летописи дают и третью дату крещения – 955 год, из чего родились предположения, будто княгиня крестилась еще в Киеве, а к императорам поехала уже христианкой...

Да как ее звали-то, собственно? Вариантов немало – Ольга, Вольга, Эльга, Хельга... даже Волга. Мы используем устоявшийся в культуре вариант Ольга, но он не единственный и даже, я вам скажу, не аутентичный. Константин Багрянородный, как мы уже отмечали, лично знакомый с ней, записал ее имя как «Элга» – с той же буквы, с какой пишется ее крестильное имя Елена (Элене). А Константин, человек очень грамотный и ученый, уж наверное, сумел записать так, как ему ее представили, как это имя произносило само окружение княгини. «Ольга» – ославяненный вариант, возникший по тому же принципу, как из Елены получилась Олена, и он оформился к концу X века, после смерти носительницы. Так что само имя «Ольга», представьте себе, принадлежит не живой женщине, которая давно умерла, а мифическому образу, который жив до сих пор и нам знаком. Князь Игорь свою супругу при жизни называл Эльгой (или Ельгой).

Ну и так далее. Все то длинное, красочное полотно ее жизнеописания, известное широкой публике, возводится над фундаментом из немногих перечисленных выше фактов. Всеми прочими узорами ее жизнь расписала легенда, создававшаяся в течение многих веков: с XI по XVIII. А кое-что к ней прибавляется и сейчас.

Образы княгиня Ольги

Я не случайно употребила слово «образы» во множественном числе – выше уже упоминалось, что их можно выделить не менее трех. Или даже четырех. Начнем с конца – рассмотрим образ Ольги, сложившийся в современном массовом сознании. Самое простое, мемы и прочие комиксы, однозначно связывают образ Ольги с идеей сожжений и массовых убийств. То есть Ольга – это женщина, которая сжигала города вместе с людьми. А поскольку хороший человек таким делом заниматься не будет, в «мифе о княгине Ольге» она отражена как весьма неприятная особа: жестокая, коварная, безжалостная, властолюбивая, холодная. Если мы возьмем художественную литературу, то именно этот отталкивающий образ здесь цветет пышным цветом. Мне известно с десятков исторических романов, в которых княгиня Ольга действует как главный или второстепенный персонаж, и почти везде одно и то же: властолюбивая женщина, которая пыталась оттеснить от кормила сначала мужа, а потом сына. Ей приписывают даже узурпацию власти, принадлежавшей Святославу. Она холодна, никого не любит и ни к чему не стремится, кроме власти, она жестока, способна идти по головам, и даже христианство в ее руках превращается в орудие вражды и ненависти. Столь значимый образ современное нам сознание расписывает самыми черными красками. На множестве рисунков мы видим надменную особу с ледяным сердцем и злыми глазами, в мужской шапке и окутанную дымом пожара. Ведь правда, вы легко узнаете даже незнакомое ее изображение – по шапке и кресту в руке? Это своеобразный канон и отличительный признак, как чуб у Святослава или лошадиный череп со змеей у Олега Вещего. А ведь при жизни Ольга в шапке не ходила! В Древней Руси женщины не носили шапок, этот предмет вошел в женский гардероб только в XVI веке. Вероятно, В. Васнецов, первым (сколько я знаю) ее такой нарисовавший, использовал данные о старинном костюме именно образцов XVI века, самые древние, какие в его время были известны (исторической реконструкции ведь еще не существовало), и заодно шапка выступает символом ее «мужского разума» и княжеской власти. Но при жизни она носила убрус – полотенчатый головной убор, род покрывала, и именно в нем она, кстати сказать, изображена на миниатюрах Радзивилловской летописи и фресках Софии Киевской. (На многих портретах, начиная с васнецовского, шапка надета поверх убруса.)

Какой Ольгу видит современная культура – и художественная литература, ее яркое выражение? (Мы нередко будем привлекать материалы художественных произведений именно в рамках рассмотрения мифического образа Ольги.)

Семен Скляренко, еще советских времен украинский писатель, пожалуй, самый известный из тех, кто писал про эту семью. Из романа «Святослав» (1969 г.):

«Княгиня была немолодая уже женщина, с продолговатым лицом, тонкими темными бровями, четко очерченным носом, строгими устами, но бледность, несколько глубоких морщин на лбу, большие горящие глаза, которые, казалось, пронизывали каждого насквозь, говорили о ее беспокойном нраве, тревогах, а может быть, о длинных бессонных ночах».

Сколько-то надежных портретных изображений Ольги нет. Есть две фрески в Софии Киевской, на которых, как долгое время было принято считать, изображена Ольга рядом с Константином Багрянородным. Первая картина: в ложе ипподрома мужчина-цесарь стоит рядом с неким безбородым существом, с белым головным убором вроде платка, с засунутыми в широкие рукава кистями рук. Часто можно встретить утверждение, что это – Ольга, хотя едва ли: этот персонаж стоит в церемониальной позе царедворцев (скрестив руки на груди и убрав кисти в рукава) и на голове у него такой же белый убор, как у всех придворных в ложах ипподрома. Так что, скорее всего, это придворный евнух. Да и мужчина рядом, по другой версии, не Константин Багрянородный, а его внук Василий II. Есть другая группа изображений, плохо сохранившихся. На ней император с нимбом вокруг головы, его стражник с круглым щитом

в руке и две безбородых (женских) фигуры – у одной на голове нечто вроде венца, у другой белое покрывало. Считается, что это могла быть Ольга с придворной дамой. Но Ольга не имела царского титула и не могла носить венца – может, это царица Елена? Тогда Ольгой нужно считать вторую фигуру. Черты лица у обеих малопривлекательные, но это надо отнести скорее к слабому искусству художника и плохому состоянию изображений, чем к портретному сходству. В любом случае, к тому моменту, как художник взял в руку кисть, княгиня Ольга была мертва уже не менее полувека, и даже если бы жив кто-то из тех, кто ее видел, то едва ли эти люди могли по воспоминаниям детства дать описание, пригодное для воссоздания ее внешности. Да и художник был, скорее всего, греком и рисовал по традиции, не гонясь за сходством. Описание лица у Скляренко подходит чуть ли не всем изображениям женских лиц в Святой Софии киевской, сделанным в канонах византийской живописи, Богоматери в том числе. (Их он, скорее всего, и брал за образец.)

Одежда у Скляренко в сакральные цвета: белое платье с темной каймой, красное корзно и красные сапожки. Черные волосы под белой шелковой повязкой – навевают сказочные ассоциации с красавицей, белой как снег, черной как вороново крыло и красной как кровь... Да и в целом образ строгий и тревожный, неуютный, неудобный. «У княгини брови гневно сошлись на переносице, глаза сверкали недобрым огнем...» Повод для гнева ничтожный, но чувствуешь, что этот «недобрый огонь» и есть ее внутренняя стихия. Так и оказывается:

«...княгиня Ольга внешне казалась ласковой, душевной, на самом же деле была холодной и жестокой. Она много обещала, но мало давала. Она была просто скупа, ибо нередко ночью вызывала Малушу к себе и все прикидывала, как бы поменьше дать дворовым, как дешевле прокормить гридней».

Вот, например, из романа Василия Седугина «Князь Игорь» (один из очень немногих романов, посвященных Игорю Старому, но к этой теме мы еще вернемся):

«В душе Игорь признавал, что умом Ольга не уступает ему, а силой характера превосходит и постепенно овладевает им, стараясь сделать из него послушного и безответного мужа. Игорь знал таких мужчин, где в семьях начальствовали жены, над ними смеялись все, кому не лень. Нет, таким он никогда не станет!.. (...) Подсунул ему Олег двенадцатилетнюю девчонку, из которой выросла несносная женщина. Пытался полюбить ее, но она губила его чувства в зародыше. Любила ли она его? Вряд ли. Да и может ли она вообще кого-либо полюбить?.. В своей ненависти к Ольге Игорь готов был наградить ее только одними недостатками. «Не могу и не буду жить с такой женщиной», – твердил он про себя, как заклинание».

Несносная, властолюбивая, вздорная, ревнивая, но неспособная любить – вот она какая.

Или возьмем роман Андрея Сербы «Мечом раздвину рубежи». Ольга, «очень тщеславная женщина», бывшая боярская дочь, случайно подхвачена у переправы, мечтает стать первой женщиной на русском престоле. Для этого ей нужно для начала добиться, чтобы ее муж взял полную власть, а потом избавиться от него. Она хитро побуждает Игоря к заграничному походу, чтобы он приобрел реальную власть, а она потом могла у него ее отнять. Для этого подкидывает ему идеи, придавая разговору такой вид, будто Игорь сам это придумал, разжигает в нем честолюбие – короче, отчаянно им манипулирует. Манеры ее описаны довольно выразительно: она говорит то «с иронией», то сразу «торжествующим голосом». В известном смысле образ Ольги автору удался: она только появляется и еще даже ничего не говорит, а уже хочется, чтобы она поскорее ушла.

«Стоявшая перед ней женщина не желала покорно довольствоваться уготованной ей долей женщины, а решила вознестись выше ее! Ей было мало даже власти великой княгини. Она хотела превзойти в государственных делах своего мужа, великого князя Игоря! Вот почему Витязиня не видела его ни разу рядом с Ольгой – он для нее попросту не существовал, его судьба не интересовала ее, ибо, по ее разумению, свою судьбу она вершила собственным умом и руками!»

«...в сердце той не было любви к другим людям, которая могла бы согреть и поддержать человека...»

«... женская душа Ольги, равнодушная к семейному и материнскому началам...»

«Ольга любила лишь себя»...

Или роман Владислава Бахревского «Ярополк»:

«Княгиня Ольга, погруженная в молитву, подняла на Баяна глаза.

Все знали – она старая. Да только ни единой морщинки не увидел волхвенок на белом, как зима, лице великой правительницы. В глазах Ольги тоже стояла зима – лед сверкающий. Упала душа у Баяна, как птичка, схваченная за крыло морозом»¹.

Это же Снежная Королева, которая сама не стареет, потому что изначально неживая, но взглядом своим может заморозить все живое!

Действие романа относится к началу 960-х годов, но Русь в нем все еще платит дань хазарам (чего ко временам Ольги на самом деле не было уже лет, наверное, сто). В Киев приезжает хазарский посол и в счет недоимки требует выдать ему тысячу синеглазых, златокудрых дев. Княгиня Ольга вслух отказывается выполнить это требование, но вступает с хазарами в тайный сговор, позволяя им совершить набег на русские земли и взять эту тысячу дев силой. И это, я вам скажу, со стороны любого правителя было бы какой-то запредельной подлостью по отношению к своему народу. Можно делать предположения, почему автор приписал княгине такую подлость, но так или иначе он посчитал возможным это сделать. А поскольку она показана женщиной очень набожной, то опороченным оказывается и ее главное достижение – продвижение на Русь христианства.

В повести В. Каргалова «Ольга, княгиня киевская»² подчеркивается могучая харизма (по-современному говоря), которой будущая княгиня была наделена еще в детстве: «взгляд больших синих глаз был почти страшным; от такого взгляда у людей мороз проходит по коже, подгибаются колени». Но как дойдет дело до учреждения погостов, так появится: «Княгиня Ольга протягивала цепкие руки верховной власти к окраинам Руси...» Цепкие руки власти! Так не говорят о положительных персонажах...

У Станислава Пономарева в романе «Гроза над Русью» Ольга – «строгая старуха с белым, без единой морщины, лицом, одетая в синее парчовое платье, отороченное соболем... Суровая властительница земли Русской, которую редко кто видел даже улыбающейся», «привычно суровая, величественная и неприступная», и лишь при виде внуков «холодные серые глаза ее теплеют». И если у Скляренко княгиня боится свою жадную знать, вечно вымогающую «пожалования», то у Пономарева «Ольга умело разжигала в боярах взаимную ревность, и ни один из них не решился посягнуть на великое княжение – боялись друг друга! Почитали мужи нарочитые свою властительницу за недюжинный ум, коварство... и жестокость, скрытую под показной кротостью».

Кстати, из ее сорокалетнего летописного бесплодия родилась под пером романистов еще одна ее черта – способность сохранять молоджавый вид в почтенных годах. Правда, молодость эта мертвенная, белая и гладкая, как гипсовая маска, наводит на мысль о существовании не вполне живом.

Или совсем новый роман – Алексей Соловьев, «Спецназ князя Святослава»³. Княгиня Ольга и здесь натуральная мегера, источающая ненависть, холод и яд. Эта женщина пыта-

---

¹ В Бахревский, «Ярополк», М.: Вече, 2018.

² В книге В.Каргалова, А. Сахарова «Полководцы Древней Руси». Москва, 1985.

³ Слово «спецназ» в названии происходит от издательской концепции серии, по действию это обычный исторический

ется отравить невестку – болгарку и тоже христианку, а заодно и собственного родного внука, маленького ребенка, потому что Святослав не дал его окрестить! Где там христианская любовь и милосердие – или хотя бы естественная привязанность женщины к своему потомству. Единственная ее любовь – это власть, которой она домогалась еще с девических лет.

Даже в самиздатовской литературе отражается эта основная тенденция. Попалось мне нечто вроде альтернативно-исторической сказки про детство будущего князя Владимира, так и там Ольга – «злая тетя», которая не сумела обрести своей любви и ломает чужую, разлучая Малушу со Святославом. «Злая княгиня Ольга» – буквально общее место.

Есть примеры, где Ольга показана другой, не такой вредной, но там, как правило, авторами двигало желание выразить свои оригинальные идеи, имеющие слабое отношение к истории русского средневековья как таковой. Именно холодность, властолюбие, жестокость под маской кротости, то есть еще и лицемерие в придачу, в глазах современного писателя (и во многом читателя) составляют специфику Ольги как образа: от советской классики исторического романа до сегодняшнего сетевого самиздата. Там, где она не злая и даже довольно милая женщина, миф свою героиню не узнает.

Это, так сказать, светский образ Ольги – где современное сознание переосмысляет материал летописных легенд. Ведь именно из летописи пришли сюжеты, дающие право винить ее в хитрости, коварстве и жестокости: сожженные и закопанные живыми в землю древлянские послы, сожженный при помощи хитрой уловки город Искоростень, обманутый византийский император... Здесь надо отметить, что летописец, записавший предания о неоднократной мести Ольги за мужа, вовсе не имел целью ее осудить. Эпос не требует от своего героя быть «хорошим человеком» в нашем современном понимании, то есть добрым, честным и бескорыстным. Эпический герой – это тот, кто способен на великие свершения. Хитрость и жестокость, проявленные Ольгой-героиней эпоса, в глазах нашего современника качества отрицательные, в древности служили к ее прославлению. Я видела горячие попытки ее защитить, дескать, «киевские бояре Ольгу ненавидели и обогали» – да нет же. Никто не пытался ее обогать. Наоборот, эпическое сказание ее возвеличило. Но об этом мы в надлежащем месте поговорим подробнее.

Древнее и современное сознание в своем понимании ее образа едины в одном. Ольга – женщина, способная на смелые поступки и сильные решения. Она – духовная сестра Гудрун и прочих бесстрашных женщин эпической поры, когда ужасное восхищало, и чем более было ужасным, тем сильнее восхищало. Отсюда эти три-четыре мести древлянам. Но современное сознание, воспитанное в традициях гуманизма, подобному проявлению силы ужасается. А ведь эта способность принимать и осуществлять тяжелые решения делает образ Ольги уникальным. Кто еще у нас есть в категории «знаменитые женщины Древней Руси»? Лыбедь. Малуша. Рогнеда. Ярославна (жена Игоря Святославича) и Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого. Дальше идут менее известные княгини, праведницы, как Ефросинья Полоцкая, прославленные добродетелями, или падавшие со стены во избежание плена. Но все это – фигуры страдательные или хотя бы пассивные. Они знамениты в лучшем случае перенесенными несчастьями. Единственная попытка Рогнеды проявить силу в языческом духе окончилась провалом, и спас ее ребенок. Анна Ярославна прославилась где-то очень далеко, без отношения к истории Руси. А Ольга – единственная, которая не претерпевала, а творила историю, в том числе не боясь силовых методов. В древности это было поводом для восхищения. Сейчас из этого выросло в литературе парадоксальное явление – демонизация изначально положительной героини мифа.

Таким образом, сам «светский» образ Ольги уже неоднозначен: мы сейчас видим в нем совсем не то, что в него закладывалось изначально. Но помимо «светского», «мирского» образа

Ольги существует другой – образ православной святой. Жития предлагают нам совершенно другой набор ее качеств.

«...княгиня руская Олга образом тиха, и кротка, и любима ко всем, такоже и мудра зело...»

«Князь же руский Игорь поня ю за ся за премногую ея премудрость и добронравие...»

«Царь же Иван Цымисхий восхоте пояти ю, понеже мудра бе и красна зело...»

«...хожаше блаженная княгиня Олга по градом и по местом и учаше люди вере Христове, и уроки легкие и дани полагаше на людех...»

«И поиде въслед Господа нашего Исуса Христа, и всеми добрыми делы осветившися, и милостынею украшшися, нагия одеваючи, жадныя напояючи и странныя упокоеваючи, нищая и вдовица и сироты вся милующи, и потребу даяше им всяку с тихостию и любовью от всего сердца своего...»

«...угоди Богу по премногу добрыми делы своими...»⁴

Тихая, кроткая, любимая всеми, премудрая, добронравная, прекрасная – вот в каких словах описывает героиню житие. Она установила легкие дани, занималась добрыми делами, раздавала милостыню, одевала нагих, кормила голодных, поила жаждущих, давала приют странникам, миловала сирот и вдов, и все это – с любовью от всего сердца своего. А там, в литературных легендах – суровая, холодная, коварная и жестокая.

Ничего общего, как видим, между светским и церковным образом нет. Как будто про двух совершенно разных женщин говорится. Собственно, так оно и было – это две разные женщины, вернее, две разные литературные героини. Уже в раннем средневековье – в XII–XIII веке, когда складывались первые посвященные Ольге памятники, она сделалась героиней мифа, и каждая сторона рассказывала этот миф по-своему. Ольга-язычница в народных преданиях\в летописи и Ольга-христианка в житиях тогда были разными образами, созданными разными авторами, как, скажем, Анна Каренина и Татьяна Ларина. Каждый жанр древнерусской литературы, светской и церковной, решал свои задачи при помощи своих средств и получал нужные ему результаты. Но поскольку исток в реальности у того и другого образа один, то общественное сознание пытается наложить на реальное историческое лицо эти два литературных образа (противоположного содержания) – Ольги-княгини и Ольги-святой. Из попытки их соединить в одно и получился совершенно парадоксальный образ «жестокой святой». И это вызывает изумление: как, такая злая жестокая женщина – и святая? Но они так и не слились, так и остались по отдельности: Ольга-княгиня и Ольга-святая. Они стоят рядом, как близнецы – один черный, другой белый; как отражения в двух зеркалах, светлом и темном. В каждом из этих двух образов есть что-то от реальной женщины – но как глубоко оно запрятано!

Так где же человек, который, собственно, отражается? Увы, «княгиня Ольга в жизни» уже к началу формирования этих памятников безнадежно скрылась в темных глубинах времени. Получился парадокс: в реальности Ольга действительно была одна, а не две. Но образ ее в культуре сплавился из двух совершенно разных, поэтому ее изображают то с крестом, то с мечом, то на фоне пожара, наделяя символами того и другого ее «воплощения». В легенде массового сознания именно ее «языческие» качества победили, а христианские ее добродетели воспеваются только в церковной литературе. Большинство ее «светских» изображений (к ним примыкает и знаменитый портрет работы В. Васнецова) являет суровую особу с неприятным лицом, будто говорящую: тех сожгла и этих тоже сожгу... (Иногда выражение просто маньяческое.) В то время как на многочисленных иконах современной работы святая равноапостольная княгиня Ольга сияет молодостью, кротостью и ангельской красотой. Приятно посмотреть.

---

⁴ Псковская редакция Жития княгини Ольги.

Но откуда, собственно, взяты сведения, из которых созданы эти образы, столь различные меж собой?

Источники наших знаний

Собственно аутентичные источники наших знаний о княгине Ольге изучены хорошо. Исследованиям летописи, житий и других немногочисленных документов эпохи, связанных с ней, посвящена поистине необозримая научная литература. Мы не будем затрагивать историю памятников-источников, для нас текстологические исследования важны в одном аспекте: откуда и в какое время возникли те или иные сведения. И оказывается, что от века к веку сведения росли, как на дрожжах: это рос и развивался «Большой миф о княгине Ольге».

Итак, коротко обрисует источники.

Первая группа: собственно современные Ольге документы.

Таковых всего два (или два с половиной). Первое – описание приема, устроенного для Ольги семьей византийского императора Константина Багрянородного в его книге, которую в русском переводе обычно называют «О церемониях»⁵. Сей трактат представляет собой описание дворцовых церемониалов – Константин создал его как пособие для своего сына и соправителя, Романа, наставление, каким порядком проводить те или иные приемы, торжественные шествия и так далее. Описание приема Ольги туда включено ввиду его уникальности: это единственный случай, когда императорам наносила визит женщина – глава другого государства. В описании подробно перечислены детали: куда когда высокую гостью проводили, где она посидела, где и с кем поговорила, указаны подарки (денежные), которые получила она и ее сопровождающие. К сожалению, ни о каких личных данных там упоминаний нет: мы не узнаем, сколько лет ей было, как она выглядела. Никаких выводов о ее личных качествах по этому описанию сделать нельзя. Это и понятно: Константин описывал порядок приема, а не стремился создавать литературные портреты.

Второй источник: немецкие анналы, описывающие посольство княгини Ольги к королю Оттону Великому по поводу присылки на Русь епископа. К этой истории мы еще вернемся, а пока скажем, что о личности Ольги здесь тоже ничего нет: лишь упомянуто, что она крестилась в Константинополе под именем Елены.

Еще Ольга упоминается в договоре 944 года с Византией (который дошел до нас в составе летописи), но из этого упоминания можно сделать два вывода: что она существовала на самом деле и была особой достаточно высокого ранга, чтобы отправить собственного посла.

И это все! Добра она была или жестока, нежна или холодна, любила только власть или обожала многочисленных племянников – современники, те, кто на самом деле знал ее как личность, не оставили об этом ровно никаких сведений. Выводы о ее характере делают задним числом – очень сильно задним числом, – исходя из сведений о тех или иных событиях ее жизни, главным образом легендарных. Причем выводы эти, из-за незнания всех обстоятельств, делаются очень прямолинейно. Долго правила – значит, любила власть. Обманула и сожгла древлян – значит, была коварна и жестока. И получается, что выводы о характере живой реальной женщины делаются исходя из материала легенды. Литературный персонаж (к тому же неправильно понятый) в нашем массовом сознании полностью заслонил и подменил реального человека. Уж очень тяжело их на таком расстоянии отличить один от другого, уж слишком они слились за эти долгие века...

Но перейдем ко второй группе: источники, созданные после смерти Ольги. Сюда входят летописные произведения и церковная литература. О княгине Ольге упоминали два автора XI века: митрополит Иларион и Иаков Мних, но эти упоминания скорее подтверждают реальность ее существования и ближайшие родственные связи, не давая развернутой информации. Вполне

---

⁵ Мне гораздо больше нравится вариант «Изложение о царском укладе» или «Об образах Византийского двора», приведенные в книге Федора Успенского «История Византийской империи. Македонская династия».

вероятно, что первым возникло устное «сказание об Ольге», причем церковное предание о ее подвиге крещения сформировалось тоже первым. Из устной стихии оно было перенесено в начальные летописные своды. Здесь важно понять: эти своды, хоть и были первыми, от времени жизни героини были отделены немалым, в сравнении с человеческой жизнью, количеством лет. Еще крупнейший исследователь русского летописания А. А. Шахматов выделил Киевский Начальный свод, созданный к 1093 году в Киево-Печерском монастыре, а затем вычленил предшествующий ему Свод 1073 года. Эти своды гипотетичны, а «главная» наша летопись – Повесть Временных Лет – была создана еще позже, в начале XII века. Тем же Шахматовым был выделен и еще более ранний свод – Древнейший, созданный в 1037–1039 годах, но это у ряда исследователей уже вызывает сомнения. Что это был за памятник, впервые зафиксировавший некие сведения о первых русских князьях, у исследователей имеются разные версии. Главное то, что в целом виде он не сохранился и лишь послужил, предположительно, источником для более поздних летописей.

Здесь я хочу заострить ваше внимание на одном важном моменте. У людей, незнакомых с историей летописания, распространено представление, будто летопись доносит до нас непреложную истину. Это же летопись! Ее же прямо там, в древности, написали! А значит, так оно все и было! Нет, не все. Верить летописи – и то с оговорками, в каждом случае разными, – можно начиная с тех пор, как она стала создаваться по горячим следам событий, то есть едва ли ранее второй половины XI века. Все, что было раньше – сказания о Рюрике, Игоре, Ольге, Святославе, Владимире – вносилось в летопись не прямо из жизни, а из народных преданий, уже перенесших около ста лет устного бытования, прошедших через память четырех-пяти поколений. Причем даже этот, уже скорее фольклорный, чем исторический материал, обрабатывался в интересах современной летописцу политической концепции. В первые летописи рассказ об Ольге уже попал в виде сказания, наполненного бродячими эпическими мотивами (мы их рассмотрим позднее). «Большой миф о княгине Ольге» в течение веков постепенно обрстал подробностями, пока не достиг расцвета в «Степенной книге царского родословия» (XVI век), где изложен один из первых в нашей литературе любовных романов – история знакомства Ольги с Игорем на перевозе. Но вполне очевидно, что истинных сведений о жизни женщины, умершей 600 лет назад, составителю этого труда взять было уже негде, если в более ранних источниках они не приведены.

Церковные литературные памятники по близости к времени жизни героини примерно равны летописным: собственно жития Ольги известны с XIII века, хотя некоторые были созданы раньше – в XII веке. Но, опять же, они рассказывали о женщине, умершей двести-триста лет назад, не имея почти никаких твердых источников сведений о ней. История сложения житий – отдельная и большая научная тема, но коротко скажем, что при формировании образа святой акцент делался на церковный канон описания «святой жены», а не на стремление к исторической достоверности. То есть житие как жанр стремится «подтянуть» свою героиню к образам Богоматери и других святых праведниц, а не к реальной княгине X века.

К жанру житий относятся и два поздних текста, в которых «большой миф об Ольге» достиг наивысшего расцвета: это «Степенная книга царского родословия» (середина XVI века) и «Четьи-Минеи» Дмитрия Ростовского (самое начало XVIII века). А далее вступают в дело светские писатели, основатели российской истории как науки: Василий Татищев (середина XVIII века), Николай Карамзин (начало XIX века), Сергей Соловьев (конец XIX века). Каждый из них написал свою «Историю России», в которой дал, с опорой на письменные источники, уже некоторые свои толкования материала, хотя в целом они действовали еще в рамках сложившегося предания. Все они понадобятся нам как иллюстрации развития образа княгини Ольги в течение веков. И хотя труды упомянутых ученых не могут считаться источником знаний об Ольге – они сами пользовались древними памятниками и прибавить к ним по существу

ничего не могли, – именно они во многом послужили *источниками мифа*, поэтому мы обязательно должны будем рассмотреть их взгляды на то или иное событие.

Для наглядности перечислим источники «большого мифа» в хронологическом порядке:

- аутентичные документы (середина-вторая половина X века)
- летописание (от конца XI века)
- жития (XII–XIII век)
- позднесредневековые обработки древних источников, включая «Степенную книгу» и «Минеи» Дмитрия Ростовского (XVI – начало XVIII века)
- труды российских историографов (середина XVIII – конец XIX века)

Нужно упомянуть и третью группу источников: народные предания об Ольге, бытующие на месте ее предполагаемого рождения – неподалеку от Пскова, близ деревни (погоста) Выбуты. Там существует многочисленная топонимика, то есть названия различных природных объектов, связанных с ее именем. Это речные протоки под названием «Ольгины слуды» или «Ольгины ворота», Ольгин камень; Ольгина гора; разные развалины зовутся «Ольгин дворец», «Ольгина церковь»; есть «Ольгин ключ». И эти названия не просто живы до сих пор, они продолжают возникать в наши дни! Как пишет современный исследователь А. Александров, когда в тех местах были найдены остатки кургана с кольцевой обкладкой, у местных жителей он получил название «Ольгина башня»⁶. По другому, частному сообщению, через несколько лет после исследования этого кургана в округе уже бытовала легенда, как Ольга стояла на этой башне, высматривая, не едет ли Игорь! Целый сюжет родился прямо на глазах исследователей, в наше время. В основном эти местные легенды совершенно фантастичны, никак не согласуются с историческими сведениями, зато имеют массу аналогов в фольклоре. Главный положительный вывод, который из них можно сделать: большое количество ольгинской топонимики в районе Выбут указывает на глубокую и устойчивую местную традицию. Дух Ольги, которая в реальности могла провести в тех местах лет двенадцать-пятнадцать (от рождения и до замужества) продолжает уже тысячу лет жить там полной жизнью в качестве местного гения и одушевлять собою всю округу. Никакое другое место, насколько мне известно, так настойчиво на роль «малой родины» Ольги не претендует. Ну а, собственно, почему бы и нет?

Это все была присказка. Далее же мы перейдем к конкретике и попробуем рассмотреть миф о княгине Ольге в реальном контексте эпохи. Миф имеет перед контекстом эпохи то преимущество, что он дает положительные, описательные ответы. Миф все знает: откуда наша героиня, кто родители, как с Игорем познакомилась, какие слова говорила древлянским послам или императору в Царьграде... Контекст эпохи же больше ставит вопросов и разоблачает предлагаемые мифом ответы. Но тем не менее, путем привлечения источников, не попавших в поле зрения летописи и житий, контекст эпохи может кое-где даже дополнить Миф.

---

⁶ А. Александров, *Во времена княгини Ольги*, (в книге «Святая равноапостольная великая княгиня Ольга». – М.: Сибирская Благовонница, 2012.)

Часть первая

«О имени же отца и матере писание нигде же не изъяви...»

Происхождение княгини Ольги всегда было предметом интереса. Ну еще бы: хочется же знать, откуда взялась столь выдающаяся женщина, как ее личность и деятельность были обусловлены ее происхождением и воспитанием. Скажем сразу: точного ответа на эти вопросы у науки нет, и я вам тоже их не дам. Об этом ничего не знали уже самые первые авторы «сказания об Ольге», существовало ли оно первоначально устно или сразу сложилось в письменном виде.

В Новгородской I летописи (где, как считается, отразился более ранний, чем в Повести Временных Лет, Начальный свод конца XI века) сказано:

И паки приведе (Игорь – Е. Д.) себе жену от Плескова, именем Олгу, и бе мудра и смысла, от нея же родися сын Святослав.

Это, собственно, вся личная информация об Ольге, которой располагала традиция через сто с лишним лет после ее смерти. Ко времени первой письменной фиксации преданий в Киеве, где Ольга жила и умерла, о ее семье ничего известно не было (и никаких дат тоже не сохранилось). Собственно местное, киевское предание запомнило ее обобщенно, уже «мудрой и смысловой» женой Игоря и матерью Святослава. Известен был только город, откуда ее Игорю привезли – Псков.

Проложное житие, созданное в XII веке, говорит так:

«Сия блаженная Олга родом бе плесковытны, жена же Игоря...»⁷

В XVI веке в этот самый текст добавилась фраза «веси Выбуцкия». Но тоже лишь место рождения, о положении семьи – ничего.

А вот «Житие княгини Ольги» в редакции псковского книжника Василия, в иночестве Варлаама (середина XVI века), осведомлено уже заметно больше:

«...Отца имяше неверна сущи, такоже и мать некрещену от языка варяжска, от рода не от княжска, ни от велмож, но от простых баше человек».

То есть шестьсот лет спустя откуда-то вдруг всплыли сведения: ее родители были простые люди, варяги, язычники. Это часть развившегося Мифа, но нравится она не всем. Многим казалось, что выдающаяся правительница не может происходить от простых людей, ей пытались найти знатный род. Уже в XVI веке (Типографский летописец) отражено мнение, будто она была дочерью Вещего Олега, но эта версия противоречит родословной легенде ПВЛ: Игорь – племянник Олега, и если бы Ольга была дочерью последнего, то они с Игорем оказались бы двоюродными братом и сестрой, а значит, брак между ними был бы невозможен.

В. Н. Татищев (середина XVIII века) указывает: «более доказательно, что она была рода прежних князей славянских, внушка Гостомысла», и местом рождения ее называет Изборск, потому что «тогда Пскова еще не было», хотя он знал, что в древнейшем житии она названа плесковитянкой. На сто лет раньше, «Псковский Кроник» 1689 года, выводит ее тоже из рода «великого князя Гостомысла» и называет дочерью князя Изборска из города Изборска, из-за чего она там проходит как «великая княжна Олга Изборсковна». Вероятно, в XVII веке сформировалось представление, что если Ольга происходила из Изборска, где по «легенде о призвании варягов» правил Трувор, младший брат Рюрика, то она и была его дочерью или еще какой-то младшей родственницей (что не избавило версию от наличия в ней близкородственного брака).

---

⁷ О.В. Лосева, Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков, 2009.

Мы не станем перечислять все версии происхождения и родственных связей Ольги: они необозримы и очень широко разбросаны по миру. Считали ее и дочерью таких фантастических персонажей, как «Тмутарахан, князь Половецкий», и сестрой полулегендарного датского конунга Ингелла (только потому, что у этого Ингелла была сестра по имени Хельга), и внучкой болгарского царя Симеона Великого. Но все это – домыслы, возникшие спустя века после смерти тех людей, которые действительно могли что-то знать. Эти сведения имеют отношение к формированию «большого мифа об Ольге», но не к ней самой.

Попробуем рассмотреть те немногие факты, которые у нас все же имеются. Их, собственно, два: ее имя и место рождения. На том, что Плесков – это Псков, сходятся все основные источники, и это версия достаточно убедительна, чтобы не имело смысла искать возможности ее опровергнуть. Нет никаких разумных причин считать, что Плесков – не Псков. В Лаврентьевской летописи – «от Пьскова».

Уместно задать вопрос: а почему, собственно, Псков? Почему Игорю, будь он уже киевский князь или только наследник, искали невесту именно здесь – за тысячу километров от Киева, в землях другого племени? Поближе девушек на выданьи не нашли?

Красиво подано описание этого выбора в повести Вадима Каргалова:

Было в людях Псковской земли что-то упруго-сильное, надежное, негибкое, за что их боялись враги и ценили друзья. Побратиму из Пскова верили, как самому себе: не поддастся стыдной слабости, не слухавит по малодушию, не предаст. Взять за себя жену-псковитянку почиталось на Руси за великое счастье: такой женой дом крепок.

Добрая слава шла о псковичах по соседним землям, и они гордились своей славой и ревниво оберегали.

Наверно, именно поэтому мало кто удивился во Пскове, когда послы могучего киевского князя, знатный муж Асмуд и бояре, приехали в город за невестой для своего господина.

То есть выбор города объясняется романтически – его доброй славой на Руси. Выбор же самой девушки несет в себе нечто мистическое:

Щедра Псковская земля на невест-красавиц, дочерей старцев градских, нарочитой чади, старейшин и иных лепших людей, и каждый был бы рад породниться с князем. Но послы, перебрав многих, остановились почему-то на отроковице Ольге, которая даже заневеститься еще не успела: исполнилось Ольге в ту весну лишь десять лет. Кажется, ничего в ней не было примечательного: тоненькая, как ивовый прут; косы белые, будто солнцем выжженные; на круглом лице – веснушки, словно кто ржавчиной брызнул. Разве что глаза были у Ольги необыкновенные: большие, глубокие, синие-синие, как небо в августе. Но кто за одни глаза невесту выбирает?

Отец же Ольгин был человеком простым, незаметным, выше десятника в городском ополчении не поднимался, великих подвигов не совершал, и по имени его знали лишь родичи, друзья-приятели да соседи по Гончарной улице. А вот поди ж ты как поднялся!

Качали головами люди в Пскове, недоумевали. Завистники шептались, что тут, мол, дело нечисто. Не иначе – ворожба. Отвели-де глаза княжескому послу родичи этой Ольги, заговорами опутали. Недаром слухи ходили, будто Ольгина мать с волхвами зналась, да и померла она как-то не по-людски: сгорела от молнии в тот год, когда звезда хвостатая на небе летала, пророча бедствия...

Но все-таки было, наверное, в девочке по имени Ольга что-то такое, что выделило ее из других псковских невест, что уязвило неприступное сердце княжеского мужа Асмуда. Не застыдилась Ольга, подобно другим девушкам, когда посол пришел на ее небогатый двор, не

закрыла ладонью пылающие щеки, не потупила глаза. Прямо, твердо встретила оценивающий взгляд Асмуда. И вздрогнул княжеский муж, будто облитый ледяной водой, без колебаний подал Ольге заветное ожерелье, горевшее камнями-самоцветами. Видно, не любвеобильную и мягкую подругу искал посол для князя, но повелительницу, способную встать рядом с ним с великими делами его. Искал и нашел в псковской девочке Ольге, недрогнувшей рукой возложившей на себя ожерелье княгини.

Но видели все это немногие – сам посол, его свита да Ольгины родичи, а потому недоумевали люди во Пскове...

При таком сказочном раскладе всему миру останется вечно недоумевать – мы ведь тоже не видели тот единственный взгляд десятилетней гончаровой дочери, который потряс воеводу и определил его выбор (когда он, заметим, лично обходил *все* дворы далекого города в поисках именно такой, особо харизматичной девушки). И несмотря на свое незнатное происхождение (хотя мать-ведунья – это не просто так) Ольга с Гончарной улицы буквально родилась княгиней, поэтому сразу узнала свою судьбу, когда та к ней явилась в лице Асмуда, и сразу, единым шагом в нее вошла:

Пышное одеяние лежало на плечах Ольги ловко, привычно, словно она носила его с младенчества; вышитые на аксамите головы львов и хищных птиц угрожающе шевелились. Ольга не шла, а будто плыла над дорогой, и в облике ее было величие. Лицо окаменело, застывшие синие глаза смотрели поверх толпы: куда-то вдаль, за реку Великую, где висело над лесами багровое солнце. Ольга словно не замечала ни множества людей, шумно приветствовавших избранницу князя, ни расцвеченных праздничными стягами ладей. И не о ворожбе или заговоре шептались теперь псковичи, но о воле богов...

О чем думала сама Ольга в эти торжественные минуты? Да и думала ли вообще о чем-нибудь? Может, она просто отдалась могучему потоку, который поднял ее и понес навстречу багровому солнцу?

...Вечером Ольга встретила Асмуда не своей обычной робкой улыбкой, а гордо, почти надменно. Драгоценные камни на ее широком ожерелье предостерегающе сверкали.

Асмуд удивленно поднял брови и, поняв все, склонился в глубоком поклоне, как перед княгиней... Тогда-то и сказал он боярам, что взяли-де они из Пскова девочку, а привезут в Киев княгиню, перед которой – придет время! – будут трепетать самые знатные мужи...

Теперь спустимся с небес на землю и попробуем рассмотреть рациональные причины выбора Игоревой невесты. Почему же все-таки Псков? Что мы знаем о этом городе в эпоху Ольги? Псков – один из старейших городов России и Древней Руси, один из очень немногих, который при таком возрасте и сейчас остается живым, то есть имеет более тысячи лет развития. Начальная история Пскова (еще не славянского) является предметом дискуссий и до конца не выяснена, однако первые поселения славян на Псковском городище относятся к VI веку нашей эры, то есть Псков не моложе Киева. В VIII–IX веке Псковское городище было крупным поселением в низовьях Великой, между двух густо заселенных регионов: здесь прослежены следы плотной застройки и разнообразного ремесленного производства. В конце IX – начале X века начинает формироваться древнейший посад (одновременно с Подолом в Киеве). В X веке у него уже имелся детинец – это был полноценный «город» в понятиях тех времен. Территория детинца был занята срубными жилищами с дощатыми полами и печью в углу – укрепление служило местом обитания и работы людей, в отличие от сотен «древних славянских городищ», где укрепления есть, а следов проживания нет, то есть они служили только убежищами для жителей сельской округи. Застройка же укрепления указывает и на

иной характер самого населения. Были проведены дендрохронологические анализы некоторых образцов дерева, что дало даты 938 и 944 годы – княгиня Ольга в это время уже находилась в Киеве, но это ее период. Среди находок X века есть фрагменты керамики, изделия из кости и рога, железа, цветного металла и стекла. Представлены предметы скандинавского происхождения (равноплечные фибулы, бляшка, ланцетовидные наконечники стрел), предметы, поступавшие в земли Северной Руси через Скандинавию, и подражания таким предметам (стеклянные бусы, гребни и заготовки для гребней), гибридные финно-скандинавские вещи. Найдено детское деревянное оружие (меч, скрамасакс?), имитирующее боевое оружие X века, складные весы и разновесы, игральная кость, глиняные диски от вертикального ткацкого станка, дирхем⁸. Деревянные игрушечные мечи, уменьшенные копии настоящих «каролингов» найдены и в других местах, например, в Старой Ладогге. Видимо, это была вполне обычная принадлежность семейного быта «отроков оружных».

Все это указывает на присутствие в городе не только ремесла и торговли, но и профессиональной воинской дружины, как минимум частично – скандинавского происхождения. В погребениях выделяются, среди славянских, и связанные со скандинавской культурной традицией. В том числе есть такие яркие находки, как железная шейная гривна с молоточком Тора.

В нескольких местах найдены камерные погребения – на Городецкой возвышенности (три камеры) и на Старовознесенском могильнике. Камерное погребение – особый тип, распространенный у высшего дружинного и правящего сословия в Скандинавии, на Руси и в некоторых других зонах скандинавского влияния, от конца IX до начала XI века, то есть главным образом в X веке. В земле выкапывалась большая прямоугольная яма, стены и пол ее часто обшивались деревом, что придавало ей вид маленькой комнаты; туда помещался покойный, иногда в лежачем положении – на особом погребальном ложе, иногда в сидячем. Бывало, что вместо гроба использовали сундук, короб от повозки или даже лодку. С покойным вместе клали пожитков на целое хозяйство: одежду, утварь, посуду, животных, а то и сопровождающих-людей...

Не будучи связаны между собой, камерные могильники показывают наличие в Пскове X века нескольких групп скандинавского происхождения и довольно высокого общественного положения. В одной из камер Городецкой возвышенности был погребен мужчина 25–30 лет; он был одет в некую одежду, густо расшитую золотными нитями, вероятно, шелковый плащ. Эта одежда, а также размер камеры (примерно 3,23х3,68) указывают на его принадлежность к псковской знати⁹.

Очень ярко представить облик тогдашней псковской верхушки позволило открытие в 2003 году в Пскове камерного могильника X века. В нем исследовано 8 погребений: женских, мужских и детских. Датируется он серединой – третьей четвертью X века, это примерно и есть период самостоятельного киевского княжения Ольги, от гибели Игоря до ее смерти. Покойные из псковских камер были снаряжены на тот свет очень богато: со множеством утвари и изделий из серебра с позолотой, с погребальными ложами, парадной пиршественной посудой, с расписной мебелью. Открыты крупные фрагменты женского и мужского костюма, изготовленные с использованием очень дорогого узорчатого шелка. Во всех могилах присутствуют разные предметы быта: бронзовый таз, ножи, ножницы, расчески, сундуки, ведра и так далее, включая хлебную лопату и два небольших весла. В двух женских усыпальницах найдены парные бронзовые скорлупообразные фибулы, скреплявшие специфический скандинавский вид женского платья (отчасти похожего на позднейший сарафан). Есть в этом языческом некрополе и первые следы влияния христианства, постепенно проникающего в высшие полиэтнические слои древнерусской знати – нательные крестики, восковые свечи.

⁸ Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. Москва-Вологда, Древности Севера, 2012, стр. 146.

⁹ Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Нестор-История, Санкт-Петербург, 2016, том 2, стр. 23.

Вот, например, погребение номер 6. Здесь был похоронен мужчина 45–55 лет, обладатель серебряного скандинавского креста с позолотой и чернением, восковых свечей, «пиршественного набора» из чаши с серебряной оковкой и блюда, богатого кафтана с 14-ю серебряными пуговицами, весов и арабских монет, из которых поздняя – 953\54 г. чеканки. Здесь же была обнаружена серебряная подвеска со знаком Рюриковичей: хищная птица с крестом на голове и двузубец с изображением ключа между отрогами. Изображение ключа на подвесках такого типа – уникально. Т. Е. Ершова в разделе «Камерное погребение 6»¹⁰ пишет следующее:

«Наиболее вероятным кажется предположение о значении ключа на подвеске как символа регентских полномочий Ольги, которая должна была распоряжаться родовым двузубцем ранних Рюриковичей по праву замужества и материнства, пока наследник был малолетним (945–964 гг.)».

Есть иное предположение, что именно этот знак символизирует Владимира – сына ключницы, как известно. Однако едва ли он, взяв верховную власть и оставшись сам себе хозяин, стал бы выставить напоказ свое рабское происхождение, которым его обоснованно попрекали. Да и датировка могилы (953\954 гг. плюс несколько лет) указывает на время, когда Владимира еще не было на свете, а до вокняжения его и вовсе оставалось лет двадцать пять. В скандинавской традиции ключ – символ полноправной хозяйки дома, распорядительницы всех его богатств, знак ее полномочий. Так что вполне убедительно предположение, что ключ был символом Ольги – полномочной хозяйки дома Рюриковичей. И погребенный, носивший этот знак поверх одежды (двузубцем и ключом наружу), был каким-то ее представителем. На момент сооружения усыпальницы Ольга правила без мужа уже почти десять, в любом случае, несколько лет. Наличие в погребении трех драгоценных изделий с чернью (крест, оковка чаши и подвеска) тоже указывают на тесную связь с великокняжеской семьей. Умерший несколько позже 953\954 года (арабские монеты доходили от места чеканки до Руси довольно быстро по тем временам, за несколько лет) в возрасте до 55 лет мужчина принадлежал фактически к предыдущему поколению, чем сама Ольга, то есть был примерно ровесником ее отца. Как пишет С. В. Белецкий, изображение символов, в число которых входит «птица с крестом» «являлись не указанием на должностное положение владельца подвески, а социально престижными изобразительными символами лиц, не принадлежавших к роду Рюриковичей, но обладавших такими властными полномочиями, которые уравнивали их с представителями правящей династии»¹¹. Если погребенный был в родстве именно с Ольгой (а не с Рюриковичами), то он как раз в эту категорию и входит, и инвентарь погребения полностью подтверждает версию о его высоком положении.

(В порядке примечания: в сентябре 2019 года в Пскове при раскопках застройки XI–XII веков была найдена еще одна подвеска того же типа, с двузубцем, не имеющим дополнений. Его простая форма относится к ранним типам, из-за чего его приписывают «Улебу Игоревичу», то есть второму сыну Игоря, брату Святослава. Но Улеб Игоревич – персонаж больше легендарный, чем исторический, поэтому пока мы не можем делать никаких конкретных выводов об этой новой подвеске.)

Можно предположить: уже в «поколении отцов» по отношению к Ольге в высшей знати Пскова имелись люди, получавшие византийские дипломатические дары. Например, это может быть часть выкупа, полученного при дунайском походе Игоря 943 года, или даров при заключении Игоревы договора 944 года. И этот мужчина наверняка имел с Византией какой-то личный контакт: иначе он, тесно связанный с культурой языческой Скандинавии и проживающий на языческой Руси, едва ли стал бы христианином за полвека до официального крещения Руси. Подтверждает это и обнаружение в его вещах византийской медной монеты – фоллиса, отче-

¹⁰ Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Нестор-История, Санкт-Петербург, 2016.

¹¹ Статья «Геральдическая подвеска из-под Смоленска», в книге «Древнейшие государства Восточной Европы», 2016.

каненного в правление Роман I (920–945 г). Медные монеты не уникальны, но все же довольно редки в находках по сравнению с серебряными; их не возили как товар или сырье, они могли «в карманах завалиться» у человека, который в Византии бывал сам.

Еще интереснее погребение номер 7, открытое одновременно с предыдущим, летом 2008 года в ходе охранных археологических раскопок и расположенное в 14 метрах от него. В нем находились останки девочки возраста от трех до восьми лет (очень плохо сохранившиеся). И тем не менее для этой девочки была сооружена погребальная камера вполне взрослых размеров – 3.40 на 2.20 м, стены ее были обшиты деревом, настлан деревянный пол. Тело лежало в сундуке, игравшем роль гроба, покрытом тканями. На голове девочки было очелье, сверху и снизу обрамленное златотканой тесьмой (похожую тесьму на женских головных уборах много раз обнаруживали в погребениях шведской Бирки). К тесьме крепилось височное кольцо из золота с нанизанной стеклянной бусиной, завязанное характерных узлом, у археологов называемым «скандинавским». Найдены, среди прочего, остатки деревянной чаши, украшенной серебряными с позолотой оковками, деревянное блюдо и маленькое деревянное ведро с железными оковками и шумящими привесками в виде железных колечек. Такое ведро относят к пиршественной, ритуальной утвари, где оно играло заодно роль своеобразного музыкального инструмента.

Этот «пиршественный набор» – не просто «на тот свет со своей посудой», его наличие обозначает очень важное явление. Принадлежности пира брали с собой на тот свет древние вожди Севера еще до эпохи викингов – как показатель высокого статуса. Пир у древних германцев был важным ритуалом, выражавшим связи вождя с подчиненной ему общиной: это и ранняя форма сбора дани, и совместное жертвоприношение. На пиру у Одина прислуживают валькирии, и всякая знатная женщина, управляющая пиром, уподобляется валькирии и проводит ритуал, подтверждавший и ее высокий сакральный статус.

Но то, что меня здесь более всего поразило, – найден бронзовый вертлюг, часть снаряжения хищной птицы во время соколиной охоты. А соколиная охота, как известно, в средневековье являлась привилегией только высших слоев знати. Датируется погребение последней четвертью X века.

Ученые могут делать лишь общие выводы о «значительном социальном статусе погребенной девочки в сообществе, оставившем псковский старовознесенский могильник»¹². Но для меня, поскольку я не связана строгими правилами научных выводов, очевидно, что статус девочки был наивысшим – княжеским. Размеры камеры, золотые украшения (а золото в раннем русском средневековье не просто ценность, но и немалая редкость), «пиршественный набор», снаряжение соколиной охоты – и все это для ребенка не старше 8 лет, для девочки! Никто, кроме княжны, с рождения предназначенной быть хозяйкой «медовой палаты» и имеющей наследственный статус земной валькирии-жрицы, не мог все это получить с собой на тот свет.

Погребение «девочки с соколом» относится ко времени уже после смерти княгини Ольги (это поколение ее внуков). И вот, вспомнив мужчину из погребения 6, мы на этих двух примерах видим целую семью (Старовознесенский могильник, скорее всего, родовая усыпальница), на протяжении всего X века занимавшую высокое положение в городе и имевшую связи на высшем уровне с другими центрами Руси, Швеции и даже Византии. Это уже ярко характеризует если не *семью*, то, по крайней мере, *среду*, из которой Ольга вышла. Родственную связь этих людей с Ольгой мы не можем считать за факт, хотя в защиту этой версии тоже есть кое-что – мы вернемся к этой теме чуть позже.

Некоторые признаки указывают на то, что Старовознесенский могильник принадлежал представителю присланной из Киева «администрации» (в том числе ее детей), «скандинавов

¹² Стр. 323.

южной волны»¹³. В пользу этой версии говорит отдаленность могильника от города (на тот момент), ограбление одной из могил сразу после сооружения, наборные пояса – отличительный признак киевской дружинной культуры. Современная наука уже располагает техническими возможностями довольно точно установить место рождения людей, умерших тысячи лет назад. Возможно, когда-нибудь происхождение «старовознесенской фамилии» будет выяснено точнее. Но и так очевидно, что эти люди, занимавшее высокое положение в Пскове, связаны и со Скандинавией, и с Киевом. Кем бы ни была Ольга по отношению к ним – родственницей, или госпожой, или то и другое, – связь, установленная через ее брак между Псковом и Киевом, была отнюдь не случайна, и в обоих городах одновременно происходили те же самые общественные процессы.

Откуда взялась «весь, зовомая Выбуто» как уточненное место рождения Ольги? Сама эта весь упоминается впервые во 2-й Псковской летописи (список конца XV века):

«...приидоша новгородци ко Пскову ратью... побегоша прочь... И тогда убиша копорскаго Иоана под Ольгиною горою, а инех многих убиша на Выбута...»

Здесь пока лишь пример «ольгинской топонимики», расположенной неподалеку от Выбут. Связь между ними впервые устанавливается в Псковской редакции жития княгини Ольги (около 1553 года):

«...великая княгиня Олга руская родися во Плесковъскои стране, в веси, зовомыя Выбуто».

Вероятно, благодаря топонимике (Ольгина гора) предание к XVI веку установило связь между Выбутами и Ольгой, а из местного предания эти сведения попали в Псковскую редакцию жития. А уж оттуда – в Степенную книгу.

Пребывание части псковской знати именно в этом месте легко объяснить: близ Выбутского погоста находился брод на реке Великой, единственный на большом протяжении, стратегически важная точка, которую надо было контролировать. Вполне естественно было поместить туда какой-то отряд под командой представителя правящего рода, у которого и появилась дочь, способная послужить фигурой в политических играх будущего.

Выбуты не раз исследовались археологами (начиная с 1878 года). Изучалось селище на мысу между Великой и впадавшим в нее ручьем, которое было непрерывно заселено начиная от второй половины I тысячелетия до нашей эры – к этому времени относятся осколки лепных сосудов. Древнейшие погребения в близлежащем могильнике датируются I–II веком нашей эры, то есть почти за тысячу лет до Ольги (правда, они не славянские, имеют аналоги в Эстонии). Есть и погребальные сооружения X века – курганная усыпальница с несколькими захоронениями и жертвенником «нашего» времени, то есть второй половины X века. Таким образом, поселение Выбуты действительно существовало и при Ольге, и задолго до нее, поэтому нет материальных препятствий к тому, чтобы она действительно происходила отсюда. Площадь же проведенных раскопок составила всего 1 процент культурного слоя – можно надеяться, что со временем мы узнаем больше.

Мы не можем сказать, в каком отношении Ольга стояла к псковской власти – скорее всего, она каким-то образом принадлежала к этой династии, и брак ее с Игорем был браком династическим. Во всяком случае, факт, что во времена Ольги Псков был достаточно зрелым, во всех отношениях, городом, чтобы иметь некую собственную политическую жизнь и политический вес. Какова была его политическая жизнь – нам неизвестно. Об отношениях Пскова

---

¹³ «Жители Пограничья», С. Салмин, Е. Салмина.

X века к княжеской власти – какой бы то ни было, в источниках ничего нет. Часто делаются предположения, будто он был подчинен Новгороду, но в это сложно поверить: к этим же самым датам, которые показывает анализ построек псковского детинца, то есть 930-940-м годам, в Новгороде относятся самые первые мостовые. Новгород намного моложе Пскова, в середине X века он только-только зарождался, а свое главенствующее положение занял много времени спустя.

Поскольку в районе Пскова славянское население к X веку жило уже несколько столетий, вполне можно предположить, что здесь имелась какая-то своя правящая династия. К тому времени плесковичи совершили уже немало славных дел: остановили продвижение на запад ильменских словен (те дошли только до междуречья Шелони и Черехи), подчинили эстонскую чудь, жившую на западном берегу Чудского озера. Едва ли все это можно было сделать без собственной руководящей руки. Судьба псковской династии неизвестна, но в той или иной мере она пережила сращение со скандинавами: возможно, некие вожди из заморья захватили здесь власть, возможно, поступили на службу к псковским князьям, а может, путем заключения браков срослись с ней.

Заметим, что это «приведе собе жену от Плескова, именем Ольгу» является первым упоминанием Пскова в летописи. Возможно, при помощи этого брака и были установлены какие-то союзнические отношения между псковской династией (славянской? скандинавской?) и Олеговой (либо уже Игоревой) державой со столицей в Киеве, ввиду чего Псков попал в орбиту киевских интересов и стал известен киевским преданиям. Причин для этого союза можно подобрать много: например, Псков контролировал другой, помимо волховско-ладожского, выход в Балтийское море. Но могло быть и наоборот: этот брак был *следствием* каких-то уже налаженных отношений. Следы присутствия скандинавской верхушки в Пскове могут указывать на какие-то более ранние связи, родственные либо союзные, между здешними властями и теми, которые в это же время сидели в Рюриковом городище (тогда оно называлось иначе), в Ладоге, в Гнездово (тогда этот пункт тоже носил иное, неизвестно нам название), Витебске, Чернигове, Киеве и прочих ключевых точках великого торгового пути из Балтики на Черное и Каспийское море. Историк, увы, здесь ничего точнее сказать не может, но вот для романиста здесь таится богатейший выбор сюжетных возможностей: в попытках воссоздать обстоятельства войны и мира, приведшие к браку псковской княжны (наследницы?) и киевского наследника престола (либо уже молодого князя), можно придумать много всего интересного... Но уж точно не «на охоте заблудился» (об этом позже).

На связи с древнерусской знатью скандинавского происхождения указывает и второй твердый факт – имя нашей героини. Оно, разумеется, тоже подвергалось многочисленным толкованиям и попыткам объяснить его как-то иначе, найти ему источник в славянских языках (со смыслом «молодое пиво», например). Я взялась за эту работу не для того, чтобы утверждать «норманнскую теорию» в вульгарном ее понимании, ущемляющем национальное достоинство славян и русских, однако скандинавская этимология этих имен – Олег, Ольга, Игорь, – остается господствующей. Для начала скажем, что имена Хельги\Хельга имеют в самих скандинавских источниках очень древнюю и славную историю. Имя «Хельги» в разных справочниках часто переводят как «святой», но это не совсем верно. Не «святой», а «священный», «посвященный богам». Есть версия, что в глубокой древности ритуальное имя Хельги присваивалось конунгу, выбранному в жертву. В «Старшей Эдде» есть такой герой:

«У Хьёрварда и Сигрлинн был сын, высокий и красивый. Он был молчалив. У него не было имени. Однажды он сидел на кургане и увидел, что скачут девять валькирий, и одна из них была самой статной»...

Валькирия по имени Свава дала ему имя Хельги; они обручились, но вскоре Хельги погиб. В этом сюжете буквально все намекает на какие-то очень архаичные ритуалы: молчаливость и безымянность главного героя, его сидение на кургане – что делается в целях общения с тем светом; к нему является посланница бога мертвых (Одина), дает ему имя «посвященный богам», и вскоре он расстается с жизнью. Обручение с «избирающей павших» в данном случае – прямая метафора смерти.

Ко времени жизни княгиня Ольги эти ужасы, конечно, уже остались далеко позади, но имя Хельги было распространено в скандинавских королевских династиях начиная с их (династий) легендарных времен. Например, в «Саге об Инглингах» упомянут Хельги конунг, сын Хальвдана, правивший в Хлейдре (остров Зеландия).

Как отмечает Е. А. Мельникова, в текстах, отражающих традицию примерно до 1000 года, насчитывается около 10 персонажей, носивших имя Хельги, причем почти все они связаны со скандинавским героико-эпическим контекстом. «...личное имя Хельги/Хельга в дохристианское время имеет специфическое распространение: оно отмечается прежде всего в именослове Скьёльдунгов – легендарной династии правителей о. Зеландия с центром в Лейре, которые стали героями разветвленного цикла героико-эпических сказаний, а также в других циклах и сюжетах древнескандинавского эпоса, происхождение которых может быть связано с датским и норвежским культурным ареалом. Лишь в редких случаях оно встречается вне героико-эпического контекста и принадлежит, возможно реально существовавшим лицам – региональным правителям в Дании и в Норвегии, чьи кланы не находились в родстве со шведско-южнорвежской династией Инглингов.

Очевидно, что в древнегерманском и древнескандинавском дохристианском мире имя *Helgi/Helga* не принадлежало к числу рядовых, обыденных имен. Им могли обладать прежде всего представители знатных родов, т. е. оно относилось к сравнительно небольшой категории «княжеских» имен (ср. такие имена как *Hákon*, *Rognvaldr*, *Yngvarr* и ряд других) (курсив мой – Е.Д.). Имя предполагало «героичность», доблесть его носителя и отсылало к представлениям о сакральности конунга как обладателя удачи (хамингьи), олицетворения успеха»¹⁴.

Таким образом, мы видим, что и место рождения Ольги, и само ее имя дают основания причислять ее к правящей псковской династии скандинавского происхождения. Дочь незнатного десятника с Гончарной улицы не могла бы получить священное королевское имя. Но – это важно, – из этого не следует, будто она и ее родные были или считали себя шведами или датчанами. Имя – это имя, не меньше, но и не больше. Во-первых, нося скандинавское имя, она сама могла иметь происхождение как минимум смешанное. А во-вторых...

Здесь нам нужно сделать еще одно отступление научного характера. Если сам факт скандинавского происхождения имен первых князей был установлен давно, то в последние годы ведутся исследования, которые показывают – все еще интереснее. Зафиксированные письменными источниками (собственно древнерусскими, скандинавскими и греческими) имена русов-варягов и термины позволяют предполагать, что выходцы из Скандинавии, жившие в Восточной Европе в IX–X веках, имели свой диалект, отличный от «нормального» древнесеверного языка. В их наречии, за время пребывания в славяноязычной среде, неизбежно должны были накапливаться специфические черты. Некоторые «восточнославянизмы» в языке скандинавов на Руси не раз отмечались исследователями, например, значение древнескандинавского «гард» – город, несвойственное северному языку как таковому и развившееся под влиянием славянского «город». Древнеисландское «грикк» (грек) возникло под влиянием славянского слова, и это можно объяснить через посредничество восточноевропейских двуязычных скан-

¹⁴ Мельникова Е. А. Ольг/Олег Вещий. К истории имени и прозвища первого русского князя. Оп.: Ad fontem. У источника. Сб. ст. в честь С. М. Каштанова. – М.: 2005.

динавов, среди которых это слово было наиболее употребимо (ибо через славян скандинавы попадали к грекам). Термин «варяг» тоже бытовал в среде восточноевропейских скандинавов, заметно отличаясь от древнескандинавского «вэрингиар» – «скандинавские воины на византийской службе». А значит, не исключено существование диалекта, в котором древнескандинавское «вэринг» еще в первой половине IX века изменило звучание и тогда же оказалось заимствовано восточными славянами. Взаимодействие этих трех вариантов (древнескандинавского, славянского и греческого) дает возможность нащупать важную черту языковой ситуации в Восточной Европе в IX–X вв. Скандинавская по происхождению социальная верхушка на Руси того времени была двуязычна, что вполне естественно. Из их родного скандинавского языка в язык их славянского окружения шел ряд заимствований (имена, социальные термины), и сами они начинали употреблять эти слова в их новом, местном, ослабленном варианте. Хотя само их наречие оставалось германским. Сюда относится и княжеское имя Ингвар\Ингер\Игорь, и «скатт» (серебряная монета) – русское «скот» (деньги)¹⁵.

Этому же вопросу посвящена статья Николаева Сергея Львовича «К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет»»¹⁶. Здесь рассматривается вероятная этимология имен варягов из ПВЛ (текста легенд и договоров с греками, то есть имена князей, послов и прочих) и новгородских берестяных грамот. Большинство из этих имен не принадлежит ни одному из известных северогерманских языков. По-видимому, они отражают фонетику особого северогерманского диалекта, на котором в конце I тысячелетия говорили местные («русские») северогерманцы, составлявшие основную часть «скандинавской» дружины южнорусских (киевских) князей до XII века. Фонетика «варяжских» имен указывает на раннее отделение «русско-варяжского» диалекта от прасеверогерманского ствола. Автор статьи предлагает гипотезу, согласно которой «русско-варяжский» диалект – язык выходцев из Скандинавии (возможно, из Швеции), переселившихся в Восточную Европу задолго до Рюрика, когда фонетика северогерманских диалектов была близка к прасеверогерманской. «Русско-варяжский» диалект сберег некоторые архаические черты, не сохранившиеся в остальных северогерманских языках. Отделение диалекта «русских варягов» от прасеверогерманского предпочтительно отнести к VI–VII вв. н. э. На относительную изоляцию «русско-варяжского» диалекта может указывать и ряд имен, имеющих прозрачную этимологию, но не отмеченных в скандинавских языках или известных только из рунических надписей (Гунастр, Вьиск, Егри, Етон, Истр, Клек и т. д.). Интересующие нас имена Олег\Ольга автор относит к категории «имена скандинавского происхождения, преобразованные по законам развития позднепраславянской диалектной фонетики» и реконструирует в следующих формах:

Ольга

Ранне-ПС *ēlīgā > праслав. *eľga > вост. – слав. Ольга.

Напомним, что именно в форме «Эльга» записал имя нашей героини Константин Багрянородный, сам слышавший, как ее называет ее собственное окружение.

Олег

Ранне-ПС *ēlīgŭ > праслав. *eľgъ > вост. – слав. Ольгъ. Это имя восходит к ПСГ *hailigaR, формально совпадающему с прилагательным *hailgaR 'посвященный богам, святой'.

¹⁵ Статья А. В. Назаренко, «Игорь, варяги и др. – о вероятных ассимилятивных процессах в языке восточноевропейских скандинавов X в.»

¹⁶ Институт славяноведения РАН, Москва, Россия, Вопросы ономастики. 2017.

Имена др. – швед. Hælghe, др. – дат. Helghi, др. – сев. Helgi восходят к ПСГ «слабой» основе *hailgē.

Итак, что мы видим? Вполне естественно, что за несколько поколений жизни в славянском окружении уроженцы скандинавских стран не только выучили славянский язык, но и родной их язык, на котором они продолжали общаться между собой, изменился под этим влиянием. И этот «русско-варяжский» диалект отделился от общего ствола германских языков еще в VI–VII веках нашей эры. Но у диалекта должны быть носители. Получается, был какой-то народ, условно «варяги», северные германцы по происхождению, еще за двести-триста лет до условного Рюрика переселившиеся в Восточную Европу? Соблазнительно увидеть в нем ту самую «русь», переселившуюся на земли восточных славян «всем своим родом», ввиду чего она не найдена ни в каких других местах. Но и на Руси не найдено какой-то археологической культуры, которую можно было приписать этому народу в период с VI по VIII–IX век (когда следы пребывания скандинавов фиксируются уже отчетливо). Разве что камерные погребения, но они появляются позже.

Так что речь идет не о народе, а о прослойке торгово-ремесленно-военного рода занятий, еще до Рюрика тянувшейся через Балтийское море. Следов пребывания скандинавов на Руси VI–VII века пока не найдено, но в Старой Ладогe они зафиксированы со второй половины VIII века – то есть они появились за полтора-два века до рождения Ольги! И если какие-то вожди с дружинами оседали в северной Руси еще с той поры, то к моменту появления на свет Ольги они жили среди славян уже поколений восемь или десять. Они могли сохранять свои древние династические имена (уже в ославяненной форме), они поддерживали тесные связи со Швецией (об этом говорит большая близость, почти идентичность, материальной культуры), но если бы им сказали, что они-де норманны, они бы, наверное, удивились. Они не считали себя шведами или норвежцами, как потомки английских переселенцев через сто лет жизни в Америке уже не считали себя англичанами, хотя и говорили по-английски. Скорее всего, потомки шведских переселенцев на Руси считали себя русью. Вожди этой руси, жившей в узлах стратегических путей и хоронившей своих покойников в камерах с богатым погребальным инвентарем, вполне могли заключать между собой династические союзы. Их материальную культуру мы, благодаря археологии, представляем себе относительно неплохо. С языком кое-что проясняется. Кто они были этнически – без родственных связей с местными жителями они едва ли смогли бы столь серьезно здесь укорениться. Именно эти земли они считали своей родиной и здесь строили державу, сообразно местным условиям (географическим и общественным), независимо от того, как эти же государствообразующие процессы шли на их старой заморской родине.

Ну а как же «неведомый незнатный варяг» на роль отца Ольги? Трудно сказать, откуда эта фигура появилась в литературе XVI века. Я не исключаю здесь влияние фольклора и литературной моды. Василиса Прекрасная, купеческая дочь, при помощи некой «безродной старушки» знакомится с царем, тот влюбляется с первого взгляда и немедленно объявляет Василису своей женой. Сюжет типа «Золушка» принадлежит к наидревнейшим, архетипичным сюжетам о перемене общественного статуса молодежи с низшего на высший, неполноправный статус на статус взрослого человека, имеющего право на вступление в брак. И этот сюжет продолжает сохранять привлекательность по сей день. Из современных «Степенной книге» аналогий можно вспомнить «Повесть о Петре и Февронии Муромских», созданную тоже в XVI веке. Там тоже действует «мудрая дева» низкого происхождения, при помощи своего ума добивающаяся брака с князем, представителем высшей власти. Ну а чем ниже исходное общественное положение девицы, тем ярче художественный эффект от ее возвышения: здесь архетип «возвышение младшего» соединился с вполне осознанным приемом нарождающейся литературы. У этих двух первых в русской литературе «любовных романов», созданных примерно в одно

время, досвадебная часть сюжета совпадает если не по ходу, то замыслу. Отсутствие сведений о родителях Ольги могло подтолкнуть авторов поздних версий к выводу, что это были незнатные люди, а дальше архетипическая схема сама предложила сюжет, популярный в эту эпоху.

Ну а почему Ольга все же не могла быть дочерью безвестных родителей? Может, все-таки могла?

На этот вопрос надо ответить отрицательно: нет, не могла. Но обоснование этого короткого ответа получится довольно длинным – для этого нам придется сделать отступление и рассмотреть проблему, а что, собственно, за люди были князья в древности?

Природа княжеской власти в раннем средневековье

Вопрос это сложен, а главное, наукой к нему не сразу был найден правильный подход. Во множестве научных трудов и пособий «роль и функции князя» рассматриваются на материалах всего средневековья разом, сведения, относящиеся к XI–XII веку, машинально распространяются и на более раннее время. А это неверно. Княжеская власть могла иметь как минимум два различных вида, два принципиально разных источника, которые определили принципиальную разность ее сути и содержания. Условно говоря, княжеская власть «до Рюрика» и «после Рюрика» – это два совершенно разных явления, и разница не просто во времени и не в том, что с условным Рюриком на славянские земли пришла новая династия.

Князь «после Рюрика» полностью заслонил в наших глазах своего предшественника. Если задать поиск картинок на запрос «славянский князь» (или даже «князь Кий»), то получишь массу изображений мужчин в полном воинском снаряжении. В общем представлении князь – это в первую очередь воин, предводитель дружины и народного ополчения. Художники одевают в броню даже Кия, только на том основании, что он считается первым полянским князем, хотя в легенде о нем о военных делах нет ровно ничего. Стереотип устоялся. Снова откроем роман Семена Скляренко «Святослав»:

«Тому, кто никогда раньше не бывал в Золотой палате, сперва казалось, что это встали с лавок и стоят вдоль стен какие-то великаны, богатыри. Но на лавках обычно, когда входил князь, сидели воеводы и бояре, а оружие на стенах принадлежало покойным киевским князьям. Тут висели доспехи первых киевских воевод: железный, клепанный такими же гвоздями шлем без забрала, который когда-то носил Кий, его щит и топор и такие же шлемы и топоры воевод-князей Щека и Хорива. Среди всего остального выделялись шлем и броня князя Олега – каждый мог видеть, что покойный князь был необычайно высок, широк в груди и достиг великой славы, ибо и шлем и броня, как и меч и щит его, сверкали золотом и серебром и были усыпаны драгоценными камнями. Недалеко от этого оружия висели доспехи князя Игоря, его броня и щит были в нескольких местах пробиты мечом...»

Не станем цепляться к достоверности описания материальной части – роману все-таки уже семьдесят лет. Главное – и Кий, и его братья описаны как «князья-воеводы», и от них остались доспехи как доказательство их ратной доблести. В этом смысле они стоят в одном ряду с Олегом и Игорем, между ними нет никакой принципиальной разницы.

А разница-то есть. Олег с Игорем действительно были князьями-воинами, предводителями дружины, как это было в обычае к тому времени у скандинавов. Их военные дела в источниках описаны – у Игоря даже подтверждены «пострадавшей стороной», то есть греками. А где источник на военные подвиги Кия с братьями? Если мы рассмотрим древнейшие (из дошедших до нас благодаря письменным памятникам) славянские предания о первых князьях, то образ получается совершенно другой.

Что говорит о нем ПВЛ?

«И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их – Лыбедь. Сидел Кий на Горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по имени его Хоривицей. И построили город в честь старшего своего брата, и назвали его Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смысленны, и назвались они полянами, от них поляне и доньне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком... Если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а этот Кий княжил в роде своем, и когда ходил он к царю, то, говорят, великих почестей удостоился от царя, к которому он приходил...»

Далее рассказывается о неудачной попытке на обратном пути из Царьграда основать город на Дунае, но «не дали ему живущие окрест». «Кий же, вернувшись в свой город, тут и умер». Вот и все. Где здесь хоть одно упоминание о военных делах? Поход в Царьград был, вероятно, мирный; во всяком случае, тут не указаны никакие осады и разорения, каковым путем «великих почестей» от греческих царей добивались Олег и Игорь. Попытка обосноваться на Дунае тоже делалась мирным путем; какими средствами местные жители «не дали», не указано, но Кий отступил, а значит, ратных лавров тут точно не стяжал.

Я вовсе не пытаюсь его опорочить, выставить лишенным доблести. Дело совершенно в другом: в «Киевы времена» князь вовсе не мыслился как воин, и война не входила в его задачи. (Мы сейчас не будем разбираться, в какой мере Кий мог быть историческим лицом или как сложился этот легендарный персонаж – нас сейчас интересует только то, как в нем отразились древнейшие представления славян о княжеской власти.) Из его занятий упомянута охота. Также на Киевщине в более поздние времена широко бытовали предания о «божьем ковале» – кузнеце, который, хитростью подчинив себе Змея, запряг его в плуг и пропахал борозду, из которой получились Змиевы валы – древнейшие оборонительные сооружения в степи, фактически отделившие наш, обустроенный мир от внешнего хаоса, владений Змея. Исходя из значений слова «кий» – в том числе «молот», – вполне обоснованным будет отождествить эти два легендарных персонажа – Кия и коваля, в чьем лице, вероятно, выступает сам божественный кузнец – Сварог. И заметим: Змея Кий победил не грубой силой, не как богатырь Добрыня, в открытом поединке, а хитростью – заставив лизать железную дверь и ухватив клещами просунутый в дыру язык.

И еще одно занятное соображение: скорее всего, Лыбедь (Улыба) была не сестрой, а женой Кия. (Мы сейчас говорим не об исторической реальности, знать которую могут только ясновидящие, а о формировании преданий.) По мнению исследователей, фольклорный мотив «супружеская пара прародителей» является более ранним и предшествующим по отношению к мотиву «три брата»¹⁷. Так что, вероятно, супружеская пара Кий-Лыбедь была первоначальной, а двое братьев Кия к ним «подселились» потом. В этом качестве пара Кий-Лыбедь составляет аналог другим изначальным парам из славянских преданий, которые мы сейчас рассмотрим.

Сказание о Пясте и Попеле – историческое повествование о начале Польши. Хроника Галла Анонима (конец XI – начало XII в.) рассказывает такую историю: князь Попель, правивший в Гнезно, устроил пир по поводу пострижения своих сыновей, но двух незнакомцев грубо прогнали от его дверей. Зато пахарь Пяст, отмечавший такой же праздник, и жена его Жепиха (то есть Репка) приняли чужеземцев очень радушно. Тут же случаются чудеса, пища и питье умножаются сами собой, и пир происходит во всяческом изобилии. А сын Пяста, Земовит, когда вырос, изгнал из Польши жадного Попеля со всем его потомством и сам стал править. Текст этот сильно христианизирован, но интересующие нас детали в нем еще видны.

Возьмем труд Козьмы Пражского, чешского хрониста XII века, «Чешская хроника». Она описывает следующих чешских вождей-прародителей:

1. Чех – «старший, за которым остальные шли как за господином». Он привел свое племя в хорошее место для жизни, между реками Влтавой и Огржей, после чего сказал:

¹⁷ Щавелёв А.С., Славянские легенды о первых князьях (Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян), Москва, Северный паломник, 2007.

«С чудодейственной помощью мы прибыли наконец в отечество, предопределенное нам судьбой. Это та, именно та страна, *которую я, как помню, часто обещал вам* (курсив мой – Е.Д.): никому не подвластная, полная зверя и птиц, меда и молока... Со всех сторон много воды, изобилующей рыбой. Здесь у вас ни в чем не будет недостатка, так как никто не будет вам мешать».

2. Крок, один из старейшин, к которому обращались для разрешения споров. «Соплеменники считали этого человека совершенным. Он располагал большим имуществом, а при рассмотрении тяжб вел себя рассудительно...»

После Крока остались три дочери – Кази, Тетка и Либуше. Кази отличалась знанием трав, искусства врачевания и прорицания. «Тетка научила глупый и невежественный народ поклоняться горным, лесным и водяным нимфам, наставляла его во всех суевериях и нечестивых обычаях» (не забываем, это пишет христианин). Таким образом, мудрые сестры были носительницами знаний и умений, основательницами языческих культов, строили города и замки.

(Если вам кажется, что мы далековато забрались от нашей главной героини, то есть княгини Ольги, то вовсе нет – все это нам еще пригодится не раз в дальнейшем разговоре о ней.)

Либуше, младшая, отличалась наиболее впечатляющим набором качеств: она превосходила всех мудростью, «была в своих решениях предусмотрительна, в речи – решительна, телом – целомудренна и нравом – скромна. При рассмотрении тяжб, возникающих в народе, она никого не обижала, со всеми была обходительна, и даже более, любезной. Либуше была гордостью и славой женского пола; она осмотрительно разбирала мужские дела». Она выстроила замок и еще стала прорицательницей.

Далее рассказывается, как некие люди, недовольные ее судом (при дележе имущества всегда ведь кто-то останется недоволен) возмутились против власти женщины. Тогда Либуше пообещала дать им князя-мужчину – выйти замуж за того, кого люди выберут себе господином.

Но на самом деле о демократических выборах тут нет и речи. Даже не приглашают, как в русских волшебных сказках, всех желающих, предлагая им исполнить некие трудные задания и обещая победителю царевну и полцарства. Всю ночь Либуше совещалась со своими сестрами-колдуньями, а наутро объявила имя и место жительства будущего князя – некоего Пржемысла из деревни Стадице.

«...в ней (в деревне – Е.Д.) имеется пашня в 12 шагов длиной и во столько же шагов шириной. Как ни удивительно, но пашня эта хотя расположена среди стольких полей, тем не менее она не относится ни к какому полю. На этой пашне на двух пестрых волах пашет ваш князь...» – так сказала людям Либуше.

В проводники она дала своего коня, который безо всяких понуканий пошел вперед. (Хронист дает понять, что конь уже не раз ночами проделывал путь от жилища Либуше к жилищу Пржемысла, и мы эту характерную деталь вспомним позднее.) Дальше начинается самое интересное.

Посланцы идут за конем, находят все описанное и объявляют Пржемыслу, что отныне он их князь.

«В ответ на это обращение мудрый человек, как бы не ведая будущего, остановился и воткнул в землю палку, которую держал в руке. Распрягая волов, он сказал им: «Отправляйтесь туда, откуда пришли». И волы тотчас же по слову его исчезли из вида и никогда больше не появлялись. А та палка, которая была воткнута Пржемыслом в землю, дала три больших побега; и что еще более удивительно, побеги оказались с листьями и орехами».

В книге «Старинные чешские сказания» Алоиса Ирасека этот эпизод рассказан еще интереснее в том плане, который мы сейчас рассматриваем:

«Только произнес – волы помчались и скрылись мгновенно. В большой скале возле селенья исчезли они. Открылась скала и тотчас закрылась – и следа от них не осталось. Тогда молвил послам Пржемысл:

– Жаль, что вы рано пришли. Если б успел я допахать это поле, был бы у нас хлеб в изобилии во все времена. Но так как вы поспешили и мне помешали, то знайте, что часто будет голод в нашей земле...»¹⁸

Я не знаю, откуда эти новые подробности взял автор книги, но как часть мифа о Пржемысле они великолепно отвечают смыслу образа.

Мы можем продолжить ряд, вспомнить, забегая вперед, древлян, которые Игоря называли волком, а своих племенных князей – «добрыми» радетелями о родной земле. Но для подтверждения нашей мысли материала уже достаточно. И выводы мы можем сделать следующие.

Первые славянские князья были в глазах народа вовсе не воинами, а носителями и проводниками божественных даров. В их задачи входило отыскать для «рода своего» хорошее место для поселения, изобилующее пищевыми ресурсами, и основать город: то есть, по сути, вывести народ из предначальной тьмы, недоступной для национальной памяти, «родить» его для истории. А по своей основной функции они были «пахарями». Пахарями названы Пяст и Пржемысл, а Кий занимается этим делом, пропахивая борозду на запряженном Змее. Но речь вовсе не о том, что-де простых пахарей, честных скромных тружеников, выбирали в князья. Ничуть не бывало. (У Козьмы Пращского Пржемысл много рассуждает о том, что его лапти надо сохранить, чтобы его потомки не забывали, откуда вышли, но это уже сам хронист сочинил в нравоучительных целях.) Совершенно наоборот. «Пахари» они в том же смысле, в каком христианского священника называют пастырем, вовсе не имея в виду, что его дело – пасти коров. Это не профессия, это почетное звание, почти титул, обозначение главной ритуальной функции правителя. И существующему мнению, что-де «у славян было принято выбирать князей», на что ссылаются сторонники легенды о призвании трех братьев, случай с Пржемыслом уж точно подтверждением служить не может.

Во-первых, выбор Пржемысла делали не люди, а высшие силы: именно его единственная кандидатура была предсказана, а проводником божьей воли выступает конь – священное животное.

Во-вторых, он пашет пашню величиной 12 на 12 шагов. Здесь перемножено сакральное число двенадцать, и несмотря на то, что пашня эта так невелика, именно она обеспечивает изобилие хлеба для всего народа.

В-третьих, местонахождение этой пашни: «хотя расположена среди стольких полей, тем не менее она не относится ни к какому полю». Совершенно ясно, что это не простая пашня – это сакральное пространство, исключенное из обычного человеческого пространства, имеющее сакральные размеры и влияющее на благополучие всей страны.

В-четвертых, божественное происхождение самого Пржемысла тоже выставляется напоказ. О том, что он был единственным по сути кандидатом, на которого указала божья воля, мы уже отмечали. Он обладает парой волшебных волов: это не обычный тягловый скот, они понимают человеческую речь и тянут плуг только до тех пор, пока продолжается эта ритуальная, заклинающая пахота; выполнив свою роль и будучи отпущены, они убегают и навек скрываются из человеческого пространства в свою, сакральную сферу – в скалу или просто невесть куда. А простая палка, воткнутая Пржемыслом в землю, немедленно оживает и даже начинает плодоносить! Способность оживить сухую палку – очень распространенный признак богоизбранности.

Перечислим еще раз качества древнего князя:

---

¹⁸ Перевод с чешского Ф. Боголюбовой, изд. АРТИА, Прага, 1975.

– способность даровать народу место для поселения\основание городов, фактически обеспечение своего народа местом на земле;

– мудрость, прорицание – умение предвидеть будущее. Напомним, Чех сказал: «Это та, именно та страна, которую я, как помню, часто обещал вам» – то есть он шел не наугад, а ведомый божественным предвидением;

– владение различными искусствами, врачевание, знание культов, справедливость и способность хорошо судить (знаниями, искусствами и судом людей наделяют боги как первые творцы);

– умение даровать народу изобилие пищи (обычно путем успеха в обработке земли);

– богатство, щедрость, устройство богатых пиров: именно так щедрый Пяст «выиграл» право передать престол потомкам у жадного Попеля;

– наличие женских персонажей (Репка, Либуше, Лыбедь) тоже намекают на причастность к культу плодородия.

Исследователи отмечают еще такую особенность древнего князя, как прямое участие в увеличении народонаселения: у него много жен и детей. На русской почве образ «князя-много-женца» получил ярчайшее воплощение в князе Владимире. Это парадокс: князь, официально крестивший Русь, в народной памяти остался апологией идеи именно языческого властителя. Конечно, былинный Владимир Красно Солнышко – не то, что летописный Владимир Святославич, но очевидно, что летописный послужил одним из прообразов былинного. В былинах он только тем и занимается, что закатывает пиры – и в летопись внесены сведения и некоторые легенды о Владимировых пирах (о золотых и серебряных ложках), а также о кормлении бедных: здесь соединились каноны «нищелюбивого» православного святого и древнего князя – подателя изобилия. Былинный князь Владимир бывает озабочен поиском невесты (либо защитой жены), но за оружие всегда берется кто-нибудь другой. Летописному Владимиру приписано, как известно, 800 жен и наложниц, из них около десятка перечислены. Вполне очевидно, что даже при безотказной сексуальной мощи каждую из восьмисот наложниц князь мог бы посетить примерно один раз в пару лет (он же не всегда находился дома, в гощение надо ходить), а значит, не имело смысла содержать их в промежутках. Есть разные способы истолковать это сообщение: и литературный параллелизм с царем Соломоном (вполне убедительно), и то, что на самом деле имелись в виду жены его гридей (численность «большой дружины» первых князей совпадает с числом этих «жен») – тоже вполне убедительно. А может быть (это уже мое предположение) в огромном числе княжеских «жен» отразилась смутная память о сакрально-сексуальных функциях князя, осуществляемых в период гощения, то есть обхода земель с целью закрепления связи князя-божества с землей и народом. И число летописных сыновей Владимира сакрально, как размер Пржемысловой пашни – их двенадцать.

Итак, божественная природа первых славянских князей проступает из преданий со всей ясностью. Поле, которое пашет Пржемысл, является символическим воплощением всех полей (земных и небесных), которым божество сообщает изобилие своим непосредственным участием в работе. Возможно, в чешском предании даже отразился некий ритуал и в обязанности древнего князя входила ежегодная ритуальная пахота (а скорее даже полная обработка) некоего «небесного надела», сакрального участка, «не принадлежащего ни к какому земному полю», посредством чего князь передавал плодородную силу от себя на все пашни страны. А из ритуала родился сюжет: из представления о том, *как бывало*, появился рассказ как бы о разовом событии – *как было*. Неудивительно, что госпожа (носи она звание княгини, жрицы или матери-сырой-земли) легко указывает людям путь к божественному пахарю – она *знает*, кто князь, где он и чем занят, и на самом деле он *уже* ее муж. Поэтому и конь ее знает к нему дорогу. Он, единственный, потомок богов, способный служить посредником между сферой сакрального и земным миром. А по завершении работы к нему приходят приближенные и вновь приносят снятые на время роскошные цветные одежды, как их принесли Пржемыслу

посланцы Либуше. Лапти же, в которых пахал, он приказывает сохранить (для следующего раза) *в храме* – это священная обувь для хождения по священной земле? «Родовой башмак»? О сакральном значении обуви можно много чего сказать, но мы стараемся не слишком растекаться мыслию по древу.

Мы не знаем точно, как объяснялась божественная природа первых славянских князей: считался ли князь прямым потомком божества («Дажьбожий внук»?) – как шведские Инглинги и Скьёльдунги напрямую выводили свои родословные от Одина и его сыновей; или выступал земным воплощением божества. А скорее всего, способность воплощать божество и происходила из легендарного кровного родства. Но прямую ответственность за плодородие и благополучие всей общины князь мог нести только в том случае, если мыслился как земное воплощение (потомок) божества. Иначе как объяснить эту связь между исключительной личностью правителя и плодородием его земли?

Войной князь не занимался. Для войны выбирался воевода. А то еще убьют князя на поле брани, и с ним вместе погибнет все благополучие племени – в прямом смысле земля останется без хлеба.

Мы рассмотрели древнейшую, архаичную модель власти у славян. Думаю, вполне убедились, что Кий, как представитель той, племенной власти, доспехов и шлема не носил – ни с забралом, ни без забрала.

Но времена менялись. Я не буду затрагивать вопрос, как этот процесс происходил у других славянских народов, но на Руси власть «князей-пахарей» сменилась властью «князей-воинов», вероятно, с приходом «Рюриковичей» – то есть иноземных властителей скандинавского происхождения. Они не происходили от Сварога и других славянских богов и право свое взяли силой оружия.

Стоит упомянуть здесь былинку «Вольга и Микула». По школьному истолкованию, в ней прославляется мощь простого труженика-пахаря в сравнении со знатью. Но мне думается, она отразила, в первоначальном своем смысле, именно этот процесс – встречу древнего князя-пахаря с новым князем-воином при осуществлении основных функций того и другого: пахоты – у первого, сбор дани – у второго. В образе Микулы Селяниновича еще просматриваются следы божественного статуса: дружина Вольги слышит его за три дня до того, как они до него доезжают, а его сошку не может вынуть из земли пятеро Вольгиных могучих молодцев. Имя воина – Вольга – это Олег, *первое* династическое имя Рюриковичей. Помогая князю-воину Вольге собирать дань, князь-пахарь Микула фактически передает ему это, изначально свое право (без Микулы у Вольги из сборов явно ничего не выйдет). А в планах у него стоит устройство богатого пира для всей общины, что опять же входит в первейшие обязанности древнего князя:

Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похвативати:
«Молодой Микула Селянинович!»...

Но и для Рюриковичей происхождение оставалось принципиально важным фактором, дающим право на власть. В скандинавской мифологии («Песнь о Риге») описано образование разных сословий: рабов, свободных, воинов и правителей. Из чего очевидно следует, что древние скандинавы очень хорошо понимали разницу между простолюдинами и знатью. Причем только Ярл (представитель военной знати) стал признанным сыном аса Хеймдалля и был им обучен некоторым священными искусствам. А уже сын Ярла, Кон, от которого в итоге появился

титул конунга, владел сакральными умениями. В одной из исландских саг по поводу неравного сватовства приведена поговорка «глина не то, что золото» – имеющая в виду неравенство сословий как препятствие для брака.

Как уже упоминалось, скандинавские королевские династии выводили свой род от Одина или Фрейра, причем всю родословную могли расписать «по головам». Таких вполне историчных персонажей, как Харальд Прекрасноволосый, объединитель Норвегии, от Одина отделило 26 поколений с перечислением предков поименно. В генеалогической песни «Перечень Инглингов» (автор ее Тьодольв из Хвинира, вторая половина IX в.) названы тридцать поколений конунгов, восходящие к богам. Вероятно, на пиру по поводу введения в наследство от наследника требовалось перечислить их все – знание своего божественного рода и было доказательством его властных прав. Конунги в той же мере несли сакральную функцию обеспечивать благополучие народа – «добрый урожай и мир», что и славянские князья. Если они не справлялись, их могли принести в жертву. А если справлялись хорошо, то после смерти тело могли расчленивать на несколько частей и погребать в разных областях страны, закрепляя за ними охраняющую силу конунга – Одинова правнука. Примеры этого описаны в «Саге об Инглингах».

Рюриковичи на Руси были пришельцами, но это не сделало фактор происхождения менее важным. Прямое подтверждение этому содержится в летописи, передавшей легенду о призвании трех братьев. Явившись в Киев, чтобы вытеснить оттуда Аскольда и Дира, Олег говорит им: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода». Сам «миф о Рюрике» позднее дополнил первоначальную легенду о призвании трех братьев попытками установить родство между ними и Гостомыслом, который обозначен как «старейшина и князь» (в «Сказании о Словене и Русе и городе Словенске» из Хронографа 1679 года).

Ну и вот, мысленно обзрев все, что мы сейчас рассмотрели, представьте: невесткой Рюрика, женой Игоря, который «от рода князя» становится дочь незнатного варяга – от простых, понимаете ли, человек. Но «девушка с веслом» в княгини не годилась – она просто не смогла бы исполнять обязанности княгини, обеспечивать плодородие и плодовитость народа. А эта сакральная способность, даруемая происхождением, была куда важнее красоты и добродетели.

«Поскольку ранним государствам не хватало монополии на применение законного насилия, – пишет Н. Н. Крадин¹⁹, – чтобы противостоять сепаратизму, персону сакрализованного правителя являлась фигурой, консолидирующей и объединяющей общество. Правитель («священный царь») являлся «посредником» между божествами и подданными, обеспечивал, благодаря своим сакральным способностям, стабильность и процветание общества, объединял посредством дарений социальные коммуникации в единую сеть. Только с формированием эффективной системы власти отпадала необходимость в данных функциях «священного царя». (конец цитаты)

Для Древней Руси процессы формирования эффективной системы власти, сложения государства как такового, изучены еще недостаточно, но уже очевидно, что основные его признаки – письменные законы, княжеский суд, наличие гос. аппарата, то есть прослойки специальных функционеров-управленцев, – впервые фиксируются на Руси позднее эпохи княгини Ольги (с XI века), а частично вводятся ею самой. Но это означает, что на заре своей жизни она еще могла обладать властными полномочиями именно по принципу «священной царицы», то есть по праву высокого рождения, принадлежности к сакральному роду или возможности законно в него войти.

¹⁹ Статья «Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии». В книге «Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. Коллектив авторов. Университет Дмитрия Пожарского, Москва, 2012.

Принять сказочную версию о романе бедной девушки и князя можно было только в те времена, когда древний сакральный смысл княжеской власти уже забылся, а наука еще не занялась его восстановлением. Скажем, в Византии уже ко временам Ольги между происхождением и правом на высшую власть не было связи: императорского звания многократно достигали люди самого разного рода. Роман Лакапин-Старший, тесть Константина Багрянородного (к которому Ольга ездила в гости) был сыном крестьянина, а трона достиг путем успешной военной и политической карьеры, которая дала ему возможность выдать свою дочь Елену за юного наследника престола. То есть Елена августа, крестная мать Ольги, была внучкой простого крестьянина. Но это ведь уже не племенное княжение, а христианская монархия: святость монарха возникала из помазания, то есть давалась не его кровью, унаследованной от предков, а божьей волей и высшим церковным благословением. И в Византии давно уже имелось развитое государство, которое могло управляться без поддержки статуса «священного царя». (И тем не менее Романа Лакапина считали выскочкой, и Константин Багрянородный некоторые неудачные, с его точки зрения, политические решения тестя объяснял именно его низким родом.) Но во времена молодости Ольги на Руси этот механизм еще не работал. Более того: в «Повести о Петре и Февронии Муромских» бояре возмущаются тем, что простая крестьянка поставлена госпожой над их женами, и незнатное происхождение жены послужило причиной изгнания Петра и Февронии. А это уже XVI век, шестьсот лет христианства!

В версию «незнатного варяга» верил Николай Карамзин и написал об этом в своей «Истории государства Российского»:

...юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею; увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам. Обыкновения и нравы тогдашних времен, *конечно, позволяли Князю искать для себя супругу в самом низком состоянии людей* (курсив мой – Е.Д.), ибо красота уважалась более знаменитого рода; но мы не можем ручаться за истину предания, неизвестного нашему древнему Летописцу, иначе он не пропустил бы столь любопытного обстоятельства в житии Св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, от имени Олега, в знак дружбы его к сей достойной Княгине или в знак Игоревой к нему любви».

Знаменитому русскому историографу простибельно было полагать, что невинные нравы древних людей, еще не придумавших табель о рангах, красоту и добродетель ценили выше происхождения, – он жил в эпоху романтизма. В этом он уверен: «конечно, позволяли», пишет он, и в этом так и слышится невысказанное сожаление типа «не то что сейчас». Но за достоверность собственно истории знакомства Ольги с Игорем Карамзин не ручался – в ПВЛ ведь этого эпизода нет, как и в ранних житиях.

Ему противоречит Саксон Грамматик, у которого есть такой эпизод:

«Затем во время трапезы Эрик принялся настойчиво расспрашивать свою невесту о том, за кого она предпочитает выйти замуж: за Фродо или за него; ведь, если относиться к брачным узам с должным уважением, *королевским отпрыскам следует вступать в брак лишь с теми, кто равен им по знатности*, дабы благородное происхождение одного из супругов не умалялось низким происхождением другого (курсив мой – Е.Д.)».

При выборе между столь противоположными мнениями двух авторов предпочтение стоит отдать Саксону: он жил в XII веке и знал взгляд на неравенство в браке, существовавший в раннем средневековье.

Есть еще одна причина считать, что власть самой Ольги рассматривалась как сакральная, что было возможно только при ее аристократическом происхождении, но об этом мы подробнее поговорим в другом месте.

Суммируя все вышеозначенное, мы можем сделать вывод: родитель Ольги действительно был «варягом», «неведомым» – поскольку имя его, увы, неизвестно, но вот «незнатным» он быть никак не мог.

Здесь мы неприметно перешли еще к двум темам: возможно ли, чтобы Ольга в замужестве меняла имя, а также не можем ли мы извлечь чего интересного из истории о знакомстве на перевозе. Но тут нам лучше создать новый раздел, ибо в трех словах ни одну из этих тем прояснить не получится.

Имя свое приняла она, кажется...

Идея, будто Ольга приняла свое имя от Олега уже после свадьбы с Игорем, своим существованием обязана Иоакимовской летописи. Давайте здесь коротко обрисуем, что это за памятник, о котором нам еще не раз придется вспомнить. Иоакимовская летопись – источник-фантом, хотя и весьма знаменитый. Ее авторство приписывается Иоакиму, греку по происхождению, первому новгородскому епископу, который якобы начал ее чуть ли не в виде личного дневника, где подробно описал впечатления от событий крещения Новгорода в 991 году и собственное в них участие. В середине XVIII века архимандрит Мельхиседек Борщов со ссылкой на «вымышленного», по словам В. Н. Татищева, монаха Вениамина, прислал Татищеву выписки из Иоакимовской летописи, в своем пересказе, а Татищев тоже пересказал их в сокращении, выбрав только то, чего нет в ПВЛ. Таким образом, оригинала «Иоакимовской летописи» в распоряжении науки нет, оригинального текста нет, а есть сокращенный пересказ с пересказа, сделанный языком середины XVIII века. Поэтому нет возможности путем лингвистического анализа установить, насколько она подлинна (как это было проделано с «Велесовой книгой»), где, когда и кем была создана, и остается либо верить, что была такая летопись, либо не верить и считать, что все это сочинено самим Татищевым, Борщовым, Вениамином либо еще кем-то. Как отмечала Татищев, в тех тетрадах, что попали к нему от монаха Вениамина, письмо новое, язык новый в смеси со старым, наречие новгородское. «У нас в Новеграде» – пишет автор, якобы епископ Иоаким.

По совокупности разных факторов, на которых мы не будем останавливаться (наша собственная задача и без того весьма объемна) ученые считают, что ИЛ, скорее всего, была создана на рубеже XVII–XVIII вв. Вся политическая направленность ИЛ, насколько отсюда можно разглядеть, «новгородоцентрична». В ней содержалось множество любопытных сведений и подробностей, которых нет ни в ПВЛ, ни в каких-то еще источниках²⁰. В том числе там указано якобы добрачное имя Ольги – Прекраса. Это логично: если она из рода Гостомысла, то имя ее должно быть славянским. А идея о родственной связи Ольги с Гостомыслом, напомним, сформировалась чуть раньше – в XVII веке и к временам архимандрита Мельхиседека уже считалась за факт. Вот, дословно, что написал Татищев, опираясь на ИЛ:

«...о роде ее в Минее неправо, якобы из простого люда была и на реке перевозилась, где ее Игорь узнал; более доказательно, что она была рода прежних князей славянских, внучка Гостомысла... имя ее славянское Прекраса Олег от любви во свое переименовал, а при крещении названа Елена»²¹.

Вообще имена древних персонажей ИЛ носят отчетливые следы стилизации (Воробей, Угоняй, Богумил Соловей). В том же русле создавались имена персонажей в русской романтической поэзии начала XIX века: Улад, Всемила, Извед, Светлана (это имя тогда и было придумано В. А. Жуковским, но прижилось). Традиция «говорящих» имен этого типа ярко проявилась в пьесах Крылова Ивана Андреевича: здесь есть еще одна Всемила – «княжна болгарская», волшебницы Добрада и Зломека, Прията, дочь Рифмоплета и Тараторы, Милон – племянник, Плутана – служанка... Или красавицы из сказок Чулкова Михаила Дмитриевича (XVIII век) – Прелепа и Прелеста. Для этих двух Прекраса была бы отличной третьей сестрой:

---

²⁰ Напомним, что еще существует «Псковский кроник» конца XVII века, совершенно фантастическая версия истории первых князей. Если бы «монах Вениамин» принес Татищеву выписки из него, мы сейчас имели бы другую версию событий.

²¹ В.Н. Татищев, История Российская, часть 2, Примечание 77.

все три имени образованы от прилагательных, подходящих эпитетов для юной героини – «пре-лепый» (очень красивый), «прелестный» и «прекрасный».

Ни в каких более аутентичных источниках имя Прекраса не встречается, но это, строго говоря, не доказательство его отсутствия: древнеславянских женских имен (особенно просто-народных) до нас дошло вообще крайне мало. Из новгородских берестяных грамот можно почерпнуть следующие женские имена славянского происхождения: Сторонька (сокр. от Сторонислава), Милка, Безубая, Миляна, Нежка, Страхота, Втора (есть вариант прочтения как Взора), Неделька, Чудка²². Часть из них являются сокращенными от двусоставных имен (Нежка и Милка\Миляна – от чего-то вроде Милонег), а Чудка – это, скорее всего, указание на племя чудь. Девушка из славянского княжеского рода, скорее всего, носила бы двусоставное имя (как Предслава или Сторонислава). Образованное по другой модели (от прилагательного) имя Прекраса, как мне кажется, удачнее встает в один ряд со стилизациями типа Прелеста, Прията и Светлана, чем с аутентичными именами вроде Милка и Неделька.

Но более всего меня поражает это загадочное «Олег от любви во свое переименовал» (как и карамзинское «в знак Игоревой к нему любви»). Как вообще можно кому-то «от любви» вместо его имени дать свое собственное (или имя своего дяди)? «Знаешь, Наталья, – говорит Василий молодой жене после свадьбы, – очень люблю я дядьку моего Федора, он просто как отец мне был всегда, поэтому давай я тебя теперь буду звать не Наташей, а Федорой». Неубедительно звучит. И что еще важнее, прецедентов нет. Сейчас мы эту тему рассмотрим.

Иные мифы подвержены некоему «синдрому Мюнхгаузена»: успешно тянут за волосы сами себя. Из какого-то яркого факта выводят правило: «было один раз» в общественном сознании превращается в «бывало постоянно», а дальше через это якобы правило начинают объяснять и сам тот факт, который его породил. По исторической мифологии ходит утверждение, что-де у славян был обычай в браке менять невесте имя. В подтверждение ссылаются на примеры Ольги-Прекрасы и Рогнеды-Гориславы.

Что там было с Рогнедой? Пересказывать ее историю в целом не будем, но в примечаниях о ней Татищев пишет:

«...княгине имя в ином месте Рогнеда, а кое-где Рогмида²³, а после брака имя дано славянское Горислава».

Источник этих его сведений – Радзивилловская летопись, где под 1128 годом приведен рассказ о женитьбе Владимира на Рогнеде и в конце есть фраза «и нарекоша ей имя Горислава». Эти же сведения приведены в Лаврентьевской летописи и восходят к той части владимирского свода начала XIII в. (и, возможно, предшествующих), которая принадлежит южнорусскому (перемышльскому) источнику не позднее середины XII в. Однако ПВЛ (в том числе по Лаврентьевской летописи) больше нигде Рогнеду Гориславой не называет; под 1000 годом указано «преставися Рогнедь», из чего ясно следует, что до самой смерти она носила имя Рогнеда, а не какое-то новое. (Есть в науке мнение, что эти краткие сообщения «Преставилась Рогнеда», «Преставилась Малфредь» взяты летописцем из княжеского синодика, то есть списка для заупокойных поминаний членов княжеской семьи, где никаких иных сведений, кроме имен, не содержалось.) Эти сведения выглядят более достоверными, чем восходящее к XIII веку упоминание о переименовании, которое имеет скорее легендарный характер.

Из этих двух полужагов (ибо то, о чем все знают, уже наполовину факт, даже если неправда) выросло представление, будто при выходе замуж древнеславянская девушка меняла

²² По статье Чайкиной Ю. И. «Женские имена в новгородских берестяных грамотах». (Вестник Череповецкого государственного университета, 2012 номер 2, т. 1).

²³ У Я. Б. Княжнина в пьесе «Вадим Новгородский» (1789 г.) есть героиня по имени Рамида – видимо, это еще более измененное «Рогмида», из-за чего новообразование уже совершенно утратило связь с оригиналом.

имя. Некоторые аналоги действительно есть, но древнеславянские обычаи тут ни при чем – причина была другая. Достоверные исторические аналоги такому переименованию обнаруживаются, в частности, в Византии. В 425 году император Феодосий женился на молодой красавице, дочери ритора из Афин; она была язычница и носила имя Афинаида. Перед свадьбой ее крестили, и она получила имя Евдокия.

Другие два случая попадают не только на интересующую нас эпоху, но непосредственно в круг личных знакомых Ольги. В 957 году, когда она наносила визит в Царьград, в составе императорской семьи ее принимал Роман-младший – сын и соправитель Константина. Еще ребенком он был женат на дочери североитальянского короля Гуго; изначально та носила имя Берта – династическое для ее рода, но в замужестве получила имя Евдокия – традиционное для византийских императорских семей. Но Берта-Евдокия рано умерла, и Роман-младший заключил второй брак – с девушкой низкого происхождения, по имени Анастасия. Это имя, полученное, разумеется, при крещении, при ее вступлении в брак переменили на Феофано – династическое имя Македонской династии. Его же носила одна из дочерей Константина, сестер Романа, и в указанное время в этой семье было сразу две Феофано – дочь и невестка. Здесь логика уже ясна: наречение низкородной (либо иностранной) девушки династическим именем знаменовало ее вступление в царскую семью.

В той же Македонской династии есть еще один пример, по времени на несколько десятилетий раньше. Внучка Романа-старшего, Мария, при выходе замуж за болгарского царя Петра стала зваться Ириной. «Девушка же, сменив имя, была названа Ириной, – писал Лиутпранд Кремонский, – что значит «мир», – потому, что именно благодаря ей между болгарами и греками был заключен прочный мир»²⁴. Одно христианское имя сменили на другое, и вот здесь мы видим связь со случаем Рогнеды-Гориславы: второе имя выбрано исходя из смысла произошедшей перемены. Но не странно ли – славяне дохристианской поры якобы имеют общий обычай с христианской Византией, пусть и примерно в ту же эпоху? Но ни в Византии, ни на Руси перемена имени при замужестве не составляла стойкого обязательного обычая: практически все остальные императрицы и княгини спокойно «донашивали» свое девичье имя.

Правда, из той эпохи до нас дошло слишком мало материала для сравнения. Ефанда, легендарная жена Рюрика? Известна только под этим именем. Малуша замужем не была. Другие жены Владимира по именам неизвестны. Анна, Владимирова византийская жена, имени не меняла.

Приписываемая Святославу жена по имени Предслава, якобы княжна угорская, у некоторых писателей носит «родное» имя Ильдико, но этот случай фактически сочинен писателями. Хотя если бы она от рода была Ильдико, а в замужестве – Предслава, это было бы логично. Вот как этот эпизод описывает Семен Скляренко в романе «Святослав». Княгиня Ольга по дороге из Константинополя едет через земли угорские и знакомится с семьей князя Такшона:

«Она приглашала князя с женой побывать в Киеве-граде, предлагала дочери князя Такшона – Ильдико поехать с нею в Киев, посмотреть на русских людей, познакомиться с ее сыновьями...

Больше она ничего не сказала, но и князь Такшонь, и жена его поняли, что княгиня Ольга неспроста приглашает Ильдико в Киев, неспроста называет ее Предслагою, а хочет по-своему, по-женски скрепить мир любовью».

То есть здесь наречение иностранной княжны русским именем происходит еще при сватовстве и по сути является сватовством. «Больше она ничего не сказала», а династический брак фактически уже заключен (невесту сразу отправляют с Ольгой в Киев). Видимо, идея

²⁴ Лиутпранд Кремонский, Антаподосис. Книга третья. Москва, 2012, перевод с латинского И.В. Дьяконова.

эта объясняется тем, что про наличие у Святослава жены Предславы, угорской княжны, Складенко вычитал у Татищева, но объяснения, почему угорскую княжну зовут Предславой, никакого не имел и объяснил вот так. (Кстати, по происхождению венгерское имя Ильдико – древнегерманское, вариант имени Хильд, поскольку первая известная в истории его носительница была, вероятно, из бургундов.)

Выводы мы можем сделать следующие. Легенды приписывает двум древнерусским княгиням перемену имени при выходе замуж: одна получает династическое имя новой семьи, вторая – имя-прозвище по поводу поворота судьбы. Оба случая имеют аналоги в современной им истории Византии: Анастасия-Феофано и Мария-Ирина. Перемена имени была возможна при выходе замуж в зарубежную и иноязычную династию; например, Евпраксия Всеволодовна, сестра Владимира Мономаха, в браке с императором Священной Римской империи получила династическое для своего нового рода имя Адельгейда. В таком случае награждение чужой женщины именем из числа «своих» означало наделение ее правами члена рода. (И русских императриц, немки по происхождению, до самого конца династии крестили определенными семейными именами, по тому же принципу.)

Все это значит, что если бы Ольга изначально и правда была «чужой», то вхождение в Олегов род вполне могло ознаменоваться наделением ее «родным» для этой семьи именем. (Татищев, видимо, этого средневекового механизма не знал и поэтому привел странный выверт мысли «от любви во свое переименовал»). Но, по логике вещей, невеста должна была бы принять имя не дяди жениха (Олега), а какой-то из женщин-родственниц – сестры Игоря, например. А сестра-то у него точно была, раз были два племянника по сестре. Впрочем, не исключено, что Игореву сестру могли звать Эльга – если бы он действительно был Олегу племянником. Но на этот счет есть некоторые сомнения, и скоро мы о них поговорим. И сомнительно, чтобы королевское имя, выражающее принадлежность к династии Скьельдунгов и сакральность власти носителя, могли дать, даже в случае брака, женщине низкого происхождения. Низкородная женщина женой князя стать могла, в статусе наложницы, а вот княгиней – нет. (У греков другое дело, у них, как мы уже отмечали, стать императором мог человек любого рода, и сама Македонская династия происходила от простого служащего при конюшне.)

Итак, сходство имен Олега Вещего и Ольги можно объяснить двумя реальными для той эпохи механизмами:

- 1) Принадлежность их к одному и тому же роду;
- 2) Наименование Ольги династическим именем родственниц мужа при заключении брака.

Но почему я думаю, что здесь имеет место именно первый случай, а не второй? Сейчас мы этот вопрос рассмотрим.

Об одной потерянной династии

Легенда о призвании варягов появилась в письменной исторической традиции не ранее второй половины XI века. В науке есть разные версии насчет этапов ее сложения и содержания первоначального варианта. Ей обнаруживаются аналоги и в других местах, где норманны захватывали власть: от Ирландии до Италии²⁵. Не будем углубляться в эту весьма обширную проблему, но заметим: Рюрик – лицо, скорее всего, вымышленное; Олег Вещий – лицо с большой долей вероятности реальное, Игорь – лицо несомненно историческое. От Игоря как начального звена выводит родословную князей митрополит Иларион, писавший в середине XI века; он упоминает «Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава». Ни Рюрика, ни Олега Иларион в эту родословную не включил, хотя, возможно, по разным причинам. Рюрик в летописной легенде является связующим звеном между Олегом и Игорем; если он – литературный персонаж, то связь между ним исчезает и пропадает родственное право Игоря наследовать Олегу. В разных летописных версиях захват Киева приписывается то Олегу, то Игорю; сама эта история с воинами, спрятанными в лодья, тоже пришла из бродячего (скандинавского) сюжета о захвате земли с помощью хитрости, так что в целом безразлично, кому из двоих этот подвиг приписывала первоначальная легенда. Игорь и Ольга – первые киевские князья, которых упоминают источники, восходящие к XI веку (митрополит Иларион и Иаков Мних). Если бы Игорь был прямым наследником Олега (сыном или внуком), то не понадобилось бы выдумывать им общего родственника-Рюрика; то, что легенда о трех братьях-варягах была привлечена для создания этой связи, означает, что в реальности между ними прямой преемственности не было (во всяком случае, летописцы о ней не знали).

Легенда о призвании Рюрика стала известна (как считается, из новгородских местных преданий) во второй половине XI века, и тогда имя Рюрик было впервые дано историческому лицу. Это был Рюрик Ростиславич, князь перемышльский, умерший в 1092 году. И то популярным оно не стало: не считая самого легендарного Рюрика, носителей этого имени было всего двое: Рюрик Ростиславич перемышльский и Рюрик Ростиславич киевский, живший в XII веке. И это при том, что другие династические имена в роду «Рюриковичей» давались десятки раз: Владимир – 31 раз, Всеволод – 19 раз, Мстислав – 23 раза, Ростислав – 17 раз, Святослав – 22 раза, Ярослав – 20 раз. Олег – 11 раз, и оно первое (из того, что нам известно) стало династическим, то есть первым начало повторяться в роду. Видимо, даже после внесения истории о призвании Рюрика в официальную тогдашнюю историографию в него не очень-то верилось его якобы непосредственным потомкам. И в самом деле: существование князя Рюрика как исторического лица (откуда бы он ни пришел) довольно сомнительно, зато ясна цель включения этого сюжета в летопись: придать легитимности роду «Рюриковичей», а на самом деле Игоревичей, который к тому времени уже остался единственным владетельным родом на Руси. И наличие легендарного предка вполне надежно охраняло от конкурентов: любой чужак, вздумавший объявить себя тоже потомком Рюрика, заведомо был бы самозванцем.

Но возможна у него и другая цель: заслонить от глаз потомков существование вполне определенной владельческой семьи, которая Рюриковичам предшествовала. Я сейчас говорю не о племенной славянской знати и не про те два десятка «архонтов», представлявших Русь в договорах и делегациях. Я говорю о тех, кто все это возглавлял поначалу, в период сложения Руси как надплеменного государства, то есть в конце IX – начале X века. И ничего неожиданного не будет – это династия «Олеговичей». И если «Рюриковичей» я беру в кавычки,

---

²⁵ П.С. Стефанович, «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum*? В книге «Древнейшие государства Восточной Европы» 2010, Москва, 2015.

поскольку не верю в реальность «русского князя Рюрика» как ее основателя, то «Олеговичей» – поскольку не имею предположений, как они себя называли.

Реальность существования как минимум двоих представителей этой династии несомненна, просто нужно увидеть их как связанных друг с другом членов одной семьи, которые ввиду этой связи имели общую судьбу не только в жизни, но и в источниках. Первый, разумеется, Олег Вещий. Рассказывать о его значении нет нужды, но статус его уже древности был подвержен колебаниям. В договоре с греками он назван князем, главой всех остальных князей и великих бояр, и в ПВЛ он говорит о себе «я княжьего рода». Но Новгородская первая летопись младшего извода (далее НПЛ) представила его воеводой Игоря. Он стал родственником, дядей, воспитателем. В Новгородской первой летописи Игорь – взрослый соратник Олега и захватывает Киев с ним вдвоем, в ПВЛ он представлен маленьким ребенком. В НПЛ Аскольд и Дир пришли в Киев раньше, чем Рюрик – в Новгород; в ПВЛ для обоснования Игоревых прав на Киев пришлось записать их в Рюриковы бояре. И если Рюрику легенда дала двоих братьев и жену (отсутствующих в каких-либо иных источниках), то у Олега, согласно этой версии, семьи нет никакой. Только «Иоакимовская летопись», много веков спустя, сделала Рюрика и Олега родственниками через сестру последнего Ефанду, а в ПВЛ Олег был «от рода» Рюрикова, без уточнения степени родства.

У Олега Вещего, как у всякой масштабной личности, о которой мало что известно достоверно, есть свой миф, выдвигающий множество версий происхождения его самого и его имени. Но мы сейчас на этом останавливаться не будем. Нам важно то, что на рубеже IX–X века Олег Вещий был главой нарождающегося Древнерусского государства (вероятно, потеснив с этого места вождей предшествующего протогосударственного образования, которое можно условно назвать «русским каганатом».) Здесь мы тоже постараемся не растекаться мыслию и отметим главное: к концу его правления Олег Вещий располагал весьма значительным наследством, которое нужно было кому-то оставить. И что же он, бедный, при такой-то славе (и привычки древних князей к многоженству, которую давно считают за факт) сам так и промыкался всю жизнь одиноким волком? Прямо как та «безродная старушка» из сказки про Василису Прекрасную.

Версия о родстве Олега Вещего и княгини Ольги известна очень давно. На это указывает само сходство их имен, и действительно бывали в древности примеры (вроде родственной пары из Исландии, где отца звали Хельги, а дочь – Хельга), когда родичи носили похожие имена. А для правящих династий такое сходство – непреложное правило, так как само получение родового имени означает будущие властные права. Однако летописи, даже ранние, как мы уже знаем, о родственниках Ольги ничего не сказали, а поздние сочинения это белое пятно предпочли заполнить «незатным варягом». Если бы она действительно была дочерью Олега Вещего, такой значительный факт, как ближайшее родство двух легендарных личностей, предание никак не могло бы «потерять». Предание скорее *сделало бы* их отцом и дочерью, домыслило отсутствующую связь, чем утратило имевшую место на самом деле. Скорее всего, дочерью его она не была. Но вот родней ему в какой-то другой степени – вполне могла быть. Почему бы какой-то части Олегова рода не проживать в Пскове – ведь тамошняя властная верхушка была скандинавской, а развитие псковского посада шло одновременно с появлением киевского Подола, которое давно связывают именно с приходом в Киев «второй волны» варягов во главе с Олегом. И если Ольга приходилась Олегу, скажем, племянницей (или внучкой через дочь), но отец ее в Киеве известен не был, то его имя и не дошло до предания. Или же, что тоже не исключено, для первого летописца происхождение Игоревой невесты «из Пскова» уже означало родственную связь (семью Олеговой дочери, к примеру), которой мы сейчас уже не знаем.

Не нова и мысль о том, что Ольга, молодая женщина, после смерти Игоря удержалась у власти именно потому, что именно ей, а не мужу, принадлежали наследственные права на

эту землю. Если Ольга была родственницей Олега, то его наследство она в Киеве и получила вместе с мужем, а удержать могла и без мужа.

Причем эта версия не противоречит даже летописной легенде, выводящей явно «не местного» Игоря откуда-то с севера. Здесь, прямо обозначим, мы вступаем в область догадок и версий, доказать которые пока нельзя. Но все же, предположим, что Игорь происходил из рода тех «королей Северной Руси», которые еще в VIII веке обосновались в Ладоге, а к середине IX – в «Рюриковом городище» (скорее всего, оно тогда называлось Хольмгард). Брак между юношей из этого рода и девушкой Олегова рода был не просто логичен – он открывал огромные перспективы и приобрел колоссальное историческое значение, объединив в руках одной семьи северную и южную часть великого пути «из варяг в греки». Фактически такой брак создал бы державу, ту Русь от Балтийского моря до Черного, которая в дальнейшем росла и крепла.

Можно ли в Северной Руси найти следы такой династии? Можно. Есть сага под названием «Сага о Стюрлауге Трудолюбивом». В целом виде она была создана (как и другие) в позднем средневековье, но действие ее относят к началу – середине IX века. В ходе разных приключений герои попадают «в Гарды» (то есть на Русь), где правит конунг Ингвар, имеющий дочь на выдании – Ингибьёрг. Исследователи высказывают мнения, что в образе этого персонажа отразилась память о «нашем» Игоре, первоначально жившем в Ладоге. Но между сюжетами саги и летописной «Игоровой легенды» нет никакого сходства. Зато есть несомненные следы пребывания скандинавов в Ладоге начиная со второй половины VIII века, а на Рюриковом городище – с середины IX в. Так почему бы не предположить, что имя Ингвар было династическим для будущих «Рюриковичей» и в начале IX века на севере Руси жил другой Ингвар, предок нашего? Первоначально династия обосновалась в Ладоге, а позже переместилась в Хольмгард, совершив именно тот путь, который позднейшая легенда приписала Рюрику. (Вообще в «сагах о древних временах» довольно много известий о скандинавских конунгах, правивших на Руси в период «до Рюрика».)

Если мы предположим, что родней Олегу Вещему был не Игорь, а Ольга, то логика событий особо не поменяется. Ни один из этой пары не был «местным», оба супруга прибыли в Киев откуда-то с севера: он – из Ладоги\Хольмгарда, она из Пскова; оба принадлежали к знатным варяжским семьям, держателям ключевых точек на пути из варяг в греки. Зато если мы примем, что в этой паре права на Киев принадлежали не мужу, а жене, это объяснит еще несколько удивительных вещей.

Первое: как молодая женщина с маленьким ребенком, принадлежащая фактически к первому поколению правящей династии, сумела удержаться у власти? После смерти Игоря претенденты на трон нашлись бы. Писатели обычно приписывают желание захватить престол воеводе Свенельду, но я думаю, клеветают: он ведь не мог сказать о себе «я рода княжа», а значит, притязания его были бы нелегитимны. И он знал это гораздо лучше, чем позднейшие комментаторы. Но ведь у Игоря имелось как минимум двое племянников-мужчин, Акун и Игорь (носитель того же династического имени)! Предъяви они свои притязания – Ольге пришлось бы сражаться с древлянами и с ними одновременно. Но они не упомянуты ни в связи с какой-то борьбой, ни даже с местью за Игоря. Так может быть, им в Киеве было особо нечего ловить, потому что наследственные права принадлежали вовсе не их роду?

Второе: при заключении договора с греками в 944 году от Ольги был отдельный посол (и от Святослава тоже). В. Н.Татищев в примечаниях к своей «Истории» это комментирует так:

«В договоре же с греками в 945-м написаны послы княгини Предславы, а она не иначе, думаю, как жена Святослава, ибо ему тогда было 25 лет. Тут же написаны после Игоря Володислав и Улеб князи и Улебова жена, от которых *по тогдашнему обычаю* от детей и жен особые были послы (курсив мой – Е.Д.)».

Вот еще один пример «синдрома Мюнхгаузена». Где другие случаи, чтобы от жен и детей были особые послы? О послых от жены и детей Олега Вещего при заключении его договора с греками, увы, не указано – иначе мы хотя бы что-то о них знали. В договоре Святослава с греками 971 его жены и дети тоже не фигурируют (и тоже увы, мы ведь так и не знаем, на ком он был женат). Что Предслава – жена Святослава, Татищев «думал», но прямых оснований считать, будто Предслава состояла именно со Святославом и именно в брачных отношениях, нет. Да и Татищев счел это возможным исходя из своего убеждения, будто Святослав родился в 920 году, что едва ли могло быть. Современные исследователи определяют год его рождения примерно как 937–939. В 944 году Святослав был ребенком – может, не трехлетним, но не взрослым. Иметь жену ему было рановато. А то, что от него был особый посол, вполне объяснимо и при его небольшом возрасте.

И вот почему. Если же мы предположим, что именно Ольга была носительницей прав на киевский стол, то и она, и ее сын – наследник той и другой династии – могли иметь статус соправителей Игоря. Мы не знаем, каким образом Игорь после смерти Олега занял его место (и первый ли он там был), но вполне возможно, что именно такой компромисс в итоге был достигнут при заключении брака между представителями двух династий: «Игоревичей» и «Олеговичей»

За примером им далеко ходить было не надо: у византийских императоров институт соправительства был очень развит. Входя на престол, очередной август короновал как соправителя своего сына, и это предотвращало волнения в случае внезапной смерти: один василевс умирал, но на престоле оставался другой, уже коронованный. Причем возраст младшего соправителя на момент коронации роли не играл. В эпоху Игоря в Византии семейная ситуация на престоле была такова: Константин VII (известный как Багрянородный) был наследником престола от рождения (Македонская династия). Роман I Лакапин вышел из низов и трона достиг путем политической карьеры: он выдал свою дочь Елену за юного наследника и уже после этого добился для себя титула августа-соправителя. То есть на престоле с равными правами сидели представители двух разных династий, связанные через брак. Сложилась эта ситуация в 920 году – лет за пятнадцать до предполагаемой даты брака Игоря и Ольги, но это была живая в их эпоху политическая реалья.

Но это было еще не все. Роман короновал в качестве соправителей троих своих сыновей: Христофора, Стефана и Константина. Христофор умер в 931 году, однако до того София, его жена, носила титул августы, наравне с его сестрой, Еленой. Итого семь персон – пятеро мужчин и две женщины как носители высших титулов в империи одновременно. Так что семья из трех человек на киевском столе – это еще было скромно.

Если мы допустим, что Ольга и Святослав были соправителями Игоря еще при его жизни, то это объяснит многое: и то, что они в порядке исключения (а не обычая) имели собственных послов, и то, что после смерти Игоря ни о какой борьбе между претендентами неизвестно. Смены власти как таковой после гибели Игоря не произошло, из троих соправителей остались двое и дальше делали свое дело. Это же объясняет и необычайно долгое пребывание Ольги у власти даже после того, как сын вырос. Дело не в том, что она была властолюбива и даже узурпировала права сына и находилась с ним из-за этого в постоянной вражде. А в том, что ее статус не зависел ни от наличия в живых мужа-князя, ни от возраста другого соправителя – сына. Косвенный довод в пользу этой версии можно видеть в том, что летопись называет Вышгород Ольгиным городом, который получал треть древлянской дани. Это может означать, что княгиня имела свои державные полномочия, выходящие за пределы собственного княжеского хозяйства, должна была содержать какой-то военно-административный аппарат и получать часть государственных доходов для его обеспечения. (Увы, археологическая изученность Вышгорода за X век не позволяет сделать более определенные выводы, какого характера это был в то время город.)

В.Каргалов описывает (в книге «Полководцы Древней Руси») модель не просто соправительства, а разделения власти между Ольгой и Игорем по сферам военной и гражданской. На другой же день после свадьбы юную княгиню увезли в Вышгород, где у нее был собственный двор и откуда она полновластно правила Русью, замещая почти постоянно отсутствующего в Киеве Игоря:

...Само собой получилось, что люди, отчаявшись дожидаться князя Игоря, стали искать суда у княгини Ольги. Тиуны, озабоченные неотложными хозяйственными делами, знали дорогу к Ольгиному городку лучше, чем к красному княжескому двору в Киеве. Градники и древодеры приезжали к Ольге за советами, где рубить новые грады, а где подновлять старые, а потом и вовсе переселились со своими умельцами в Вышгород. В несокрушимых подклетьях вышгородского двора, под присмотром Ольги, хранились самые ценные товары. В земляной тюрьме-порубе Вышгорода томились в тесном заключении лютые недруги князя Игоря, надзор за которыми опасно было доверить постороннему человеку...

Немного времени прошло, и Ольга крепко прибрала к рукам Киевскую землю, уже привыкла смотреть на нее как на свой большой двор, требующий хозяйского глаза, ключи от которого лучше хранить на собственном поясе, не передоверяя никому...

Князь Игорь замечал, что люди все реже обращаются к нему с повседневными делами, и воспринял это как должное. Киевский дворец был ухожен даже лучше, чем раньше, кони на конюшнях сыты и веселы, холопы почтительны и одеты в чистое, подклети ломятся от запасов – чего еще желать? Постепенно он привык отсылать к Ольге докучливых просителей и жалобщиков, даже наместников и своих мужей-дружинников, проевших раньше времени положенную им долю дани и просивших еще. Власть киевского князя как бы разделилась надвое: на войне предводительствовал Игорь, а внутренней жизнью огромной страны заправляла Ольга.

...На переломе исторических эпох князь Игорь и княгиня Ольга олицетворяли собой два различных общественных начала – родовое и феодальное, два образа жизни, два миропонимания. Игорю были близки отчаянная смелость и бесшабашность предводителя конной дружины, Ольге – рачительное упорство и расчетливость хозяина-вотчинника. Игорь остался в привычной для себя обстановке дружинных пиров, так походивших на прежние родовые братчины, набегов на соседние племена, коротких добычливых войн, а остальное было уделом княгини Ольги...

Художественно эта реконструкция выглядит вполне убедительно, но я бы не сказала, что в этой модели Игорь и Ольга олицетворяют два различных общественных уклада. Скорее это вполне семейное разделение труда, сфер влияния «в доме» и «вне дома», где хозяйка управляет хозяйством лично, не имея никакого руководящего аппарата из посторонних людей. Только хозяйство у нее стало размером от Балтийского моря до Черного...

* * *

Итак, можно допустить, что именно Ольга была родственницей и наследницей Олега Вещего. Но единственной ли? Не было ли других претендентов? Здесь мы вступаем на довольно зыбкую почву, но как будто кое-кто просматривается.

Некоторые обстоятельства говорят в пользу той концепции, что Ольга не была сиротой с точки зрения кровного родства. В источниках мелькают еще несколько предполагаемых членов этого рода, но опознать их мы можем лишь по наличию династических имен.

Первый из них – некий Хлгу, упомянутый в так называемом «Кембриджском документе», который представляет собой отрывок из письма неизвестного хазарского еврея X века. В доку-

менте описывается нападение русов на хазарский город Самкерц (Самкрай), на Таманском полуострове. Предводитель их назван «Х-л-гу, царь Руси». «Н-l-g-w, что, согласно правилам еврейской графики, может читаться Halgu (Halgo) или Helgu (Helgo)», – пишет П. К. Коковцев в работе «Еврейско-хазарская переписка». Разбитый греками «бежал он (русский князь – Е.Д.), и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его»²⁶. Из других источников, арабских²⁷, известно, что через два года, в 943 г. русы, вероятно, опять с согласия хазар прошли через Хазарию в Каспийское море и появились в Закавказье. Здесь они захватили крупный город на р. Курс – Бердаа, где и попытались обосноваться. Из этой попытки ничего не вышло, так как местные жители оказали упорное сопротивление, и в одной из битв предводитель русов (там не названный по имени) погиб.

Предприятие это описано источниками очень подробно. Интересная деталь: «...люди эти (Русы) вошли в город, сделали в нем объявление, успокаивали жителей его и говорили им так: «Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственно чего мы желаем, это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас – хорошо повиноваться нам»²⁸. То есть русы приходили не пограбить и уйти. Они собирались там обосноваться навсегда.

Исследователи давно связали «Хлгу» из «письма хазарского еврея» с предводителем русов в Бердаа: эти два документа описывают начало и конец одного и того же сюжета. Некий Хельги, предводитель дружины русов, по наущению греческого императора Романа в 939 году напал на город Самкерц\Самкрай на Таманском полуострове (принадлежавший хазарам), был побежден хазарским полководцем Песахом, который вынудил его обратить оружие против первого «нанимателя» – то есть участвовать в Игоровом походе на Византию 941 года. После того похода этот же «царь Руси» отправился на Каспийское море, попытался захватить там себе владения, но потерпел поражение и погиб в 943\944 гг.

Итак, мы видим вполне связный рассказ, который притом согласуется с событиями собственно русской истории (русско-византийская война 941 года). И главным героем ее является некий вождь по имени Хельги. Разумеется, исследователи давно задавались вопросом, кто же это такой. Вот что пишет об этом известный историк М. И. Артамонов в книге «История хазар»:

«Одни исследователи полагают, что наименование князя Руси в письме хазарского еврея является простой ошибкой, что автор спутал Игоря с его славным предшественником Олегом, другие считают, что путаница произошла не с Игорем, а с его женой Ольгой, третьи думают, что полное имя Игоря было скандинавское Хельги Ингер, что по-русски значило бы Олег Младший, в отличие от Олега Старшего или Вещего, наконец, четвертые утверждают, что эпитет Хельги, по-шведски «святой», прилагался ко всем русским князьям и входил в состав их титула и что еврейский аноним пользуется этим эпитетом, не упоминая имени, которое было Игорь. Однако ни одно из этих объяснений не может считаться удовлетворительным... Так, например, смешение Хельгу с Игорем невероятно, хотя бы уже по тому, что последний был убит древлянами, тогда как Хельгу погиб в Персии – в Закавказье. Замена в еврейско-хазарском документе Игоря Хельгу не может быть объяснена недостаточной осведомленностью автора, а тем более наличием у Игоря, кроме имени, известного русской летописи, других имен или прозвищ. Зато в данной связи существенный интерес представляет сообщение Новгородской летописи о воеводе Игоря Олеге. Хотя этот Олег отождествляется с Олегом – великим князем киевским, не исключена возможность, что в легендарном образе Олега Вещего сов-

²⁶ Перевод документа в этой же работе того же автора.

²⁷ Ибн-Мискавейх, «Книга испытаний народов».

²⁸ Тот же источник, сайт «Восточная литература», где указано, что «в 1921 г. появилось само сочинение Ибн-Мискавейха (текст и перевод). Текст издан H.F. Avedroz, перевод D.S. Margoliouth.

местились черты не одного, а двух одноименных персонажей. Можно допустить, что вторым из них и был воевода Хельгу-Олег, приобретший в Хазарии настолько большую известность, что полностью заслонил своего современника – великого князя киевского Игоря. Вместе с тем нет решительно никаких оснований считать Хельгу князем, независимым от Игоря, представляющим какую-то особую Русь, отличавшуюся от Руси киевской и обитавшую где-то, не то в Крыму, не то на Таманском полуострове, так называемую Черноморскую Русь... Ясно, что Хельгу предводитель не какой-то особой руси, а все той же руси киевской, которая в это время уже являлась решающей силой Восточной Европы».

От себя добавлю, что отнесение этого сообщения к Олегу Вещему сомнительно еще и потому, что Хлгу совершал свои подвиги на тридцать лет позже. Нам вовсе не обязательно считать, что Олег Вещий умер именно в 912 году, как это утверждает ПВЛ, но все-таки слишком смело продлевать время его жизни на тридцать лет, на целое поколение. К тому же рубеж 930-940х годов – однозначно время Игоря.

Как видим, судьба Хлгу «не подходит» никому из уже известных исторических лиц. Так что мешает сделать совершенно естественное предположение, что это просто другой человек, которому не нашлось места в преданиях и летописных легендах? Логичнее всего будет вывод, что этот Хлгу был каким-то младшим родственником Олега Вещего, входил в правящий Русью род, но не был прямым наследником киевского стола, из-за чего и искал себе счастья за морями.

Или проиграл династическую борьбу чете Игоря и Ольги. Казалось бы, раз уж у Олега Вещего была младшая мужская родня, то и наследником должен был стать кто-то из этого круга. И нельзя утверждать, что таких возможностей и попыток не было. Не исключено, что Хельги-племянник (условно назовем его так) боролся за дядин стол, но ему не хватило сил одолеть Игоря, за которым стояло «северное королевство»), а брак с Ольгой давал тому и династические права. Хельги-племянник был вытеснен из Киева, попытался захватить себе королевство на Каспийском море, но сил и удачи не хватило и здесь. Он погиб за тридевять земель, в истории Руси особой роли не сыграл, а в сложившейся через сто лет концепции «Игорь – сын Рюрика и единственный законный владыка» таким персонажам, представлявшим другой, Олегов род, и вовсе места не нашлось.

Есть и второй такого же рода герой, и его в историографии называют Олегом Моравским. Сразу скажем, историчность этой персоны под сомнением, ибо он упомянут источниками только XVI–XVII века. Но этот тот случай, когда мне очень хочется верить в «не дошедшие до нас более древние источники» или правдивость народных преданий.

«Впервые о «Колеге, сыне Колги», основателе рода Жеротинов, поведал в своем произведении *«Zrđcadlo slavného Morawského»* (1593) польско-чешский историк XVI в. Бартоломей Папроцкий», – пишет Филин Н.В. в работе «Об историческом прототипе Ильи Муромца». Далее цитаты из этой же работы:

«О русском князе Олеге, основателе рода Жеротинов, сообщается также в так называемой «летописи Яна Амоса Коменского» – древней рукописи, использованной в начале XVII в. в трудах знаменитого чешского ученого и великого педагога. Я. А. Коменского».

Там сказано, что в 940 году прибывший из Руси князь Олег был провозглашен королем Моравии: это был «князь из рода русских князей, по имени Олег, племянник Ярополка, киевского князя (или Ольги брат, которая была женой Jorі (Игоря), отца Ярополка».

Как видим, родственные связи русских князей здесь перепутаны.

«После восшествия на престол в 940 году Олег в течение нескольких лет вел упорную борьбу с венграми, нападениями которых на Моравию руководил принц Токсис (Toxis) из рода Арпадов. Венграм удалось захватить часть Моравии и Велеград, столицу Олега. Олег действовал против венгров, получая военную помощь от польского князя Земомысла и своих род-

ственников из Руси. В трехдневной битве при Брюнне (949 г.), войско Олега попало в засаду, преследуя венгров, обратившихся в притворное бегство. Большая часть его погибла, лишь немногие смогли прорваться из окружения и укрыться в близлежащей крепости и непроходимых лесах. Олег, собрав остатки войска, вынужден был навсегда покинуть Моравию и переселиться в Польшу к князю Земомыслу. По сообщению Пешины там, в Польше, он вскоре и окончил свои дни».

Этот Токсис – вероятно, Такшонь, известный венгерский правитель (931–972 гг.). Так что, несмотря на ссылки на Ярополка, Олег Моравский выведен современником Ольги.

«Чешские историки, вслед за Пешиной, излагавшие историю князя Олега по-иному передавали завершение его биографии. J.G.Stredowsky и C.B.Hirschmenzel сообщали о возвращении Олега из Польши обратно в Россию и участии Олега и прибывших с ним на Русь священников и моравской знати в обращении русских в христианство. Сохранилась в трудах некоторых историков и дата смерти Олега – 967 г.»

Мы не будем останавливаться на всех связанных с этим человеком проблемах (о них можно прочесть в указанной работе), но отметим, что судьба Олега Моравского в общих чертах совпадает с судьбой Хлгу Черноморского: он тоже носил имя Вещего и искал себе счастья в других местах (в остатках захваченной уграми Великой Моравии) именно в тот период, когда в Киеве правили Игорь и Ольга.

Но какие есть доводы в пользу реальности его существования?

Для ответа на этот вопрос нужно сначала зайти с другого конца. Род Рюриковичей имел определенный набор династических имен (около двадцати штук). Источники этого набора во многом неизвестны. Главным образом неясно, откуда взяты имена славянского происхождения: Владимир, Ярослав и так далее. Но три имени из этого списка – Ростислав, Святополк и Предслава – являлись династическим для рода Моймировичей, который правил Великой Моравией в течение IX века и прекратил свое существование в 907 году (время правления в Киеве Олега Вещего). А тридцать лет спустя в Моравии вдруг появляется претендент на власть, носящий имя Олег! То есть этот человек объединял в себе наследственные права Моймировичей и рода Олега Вещего. Едва ли это могло быть совпадением (моравы-то никаких варягов к себе не призывали). Мысль о каких-то брачных связях последних Моймировичей и первых «Рюриковичей» напрашивается сама собой. Плодом такого брака и мог быть Олег, родившийся на Руси где-то около 910 года. Да, возможно, никакого Олега, претендующего на власть в Моравии, вовсе и не было и он является плодом фантазий чешской аристократии XVII века. Но факт совпадения трех династических имен Моймировичей и Рюриковичей остается. Некая Предслава упомянута уже в договоре 944 года – от последних Моймировичей ее отделяет около сорока лет, одно-два поколения.

Здесь можно сказать, что подобное заимствование объясняется желанием Рюриковичей духовно «породниться» с родом первых славянских князей-христиан (мы помним, что именно Моравия была одним из источников русского христианства). Но в подобной же ситуации, скажем, скандинавский креститель Олав взял не имя, а лишь прозвище Карла Великого – Магнус, и дал его своему лишь побочному сыну.

Если даже образ Олега Моравского выдуман, он просто чудо как хорошо укладывается в схему киевско-моравских связей, которые вовсе не выдумка. И если мы допустим между последними Моймировичами и первыми Рюриковичами (Олегом Вещим) родственную связь, это объяснит сразу и существование тридцать лет спустя претендента на моравский престол, носящего имя Олег, и наличие у последующих Рюриковичей династических имен Моймировичей.

Между Олегом Моравским и Хельги Черноморским отчетливо видно немало общего: оба они носили имя Вещего, жили в одно и то же время, добивались княжеской власти, но где-то за пределами Киевской Руси. Отождествлять их не имеет смысла – географические направления

разные, да и второй действовал уже после того, как первый погиб. Но та и другая история укладывается в общую схему: некий «племянник» Олега Вещего, носящий династическое имя, принадлежащий к княжескому роду (что дает право претендовать на власть), но изгнанный из наследственных владений более сильным соперником (четой Игорь-Ольга) ищет счастья в сопредельных землях. Хотя совсем оторваны друг от друга Ольга и ее «братья» не были – к этому мы еще вернемся.

И кстати, в 957 году, когда Ольга посещала Большой Дворец в сопровождении некоего «племянника», Хельги Черноморский уже давно погиб, а вот Олег Моравский был еще жив.

Думается, что здесь мы не слишком много домыслили, а лишь выстроили в логическом порядке имеющиеся факты. Еще один довод в пользу «потерянной династии»: имя Олег было первым, которое и стало в правящем роду собственно династическим. До появления второго сына Святослава каждый известный нам член этого рода носил новое имя. И лишь Олег Святославич, погибший в Овруче в 975 году, был наречен именем, уже встречавшимся в роду. И это имя Вещего! Не Рюрика и даже не Игоря, хотя тот погиб давным-давно и ничто не мешало дать его имя внуку. Но Игорем назвал сына не сын его (Святослав), а только правнук – Ярослав. Во второй половине X века связь именно с сакральной фигурой Вещего подкрепляла права на власть, а потомки Ольги одновременно были потомками Вещего, что давало право на его имя. В то время, когда Олега Святославича нарекали (ориентировочно, в конце 950-х годов) никакой письменной традиции еще не существовало, а значит, взять это имя для сына Святослав мог только из собственно истории своей семьи. От матери, заставшей если не самого Олега Вещего (это все же едва ли), но свежую память о нем людей, его знавших.

Каковы же будут выводы? Первым «великим и светлым князем Руси» был Олег Вещий. Ольга была какой-то его родственницей, и ее выдали замуж за Игоря, представителя другой, соперничающей\союзной династии. Имелись ли у Олега на момент смерти живые наследники мужского пола – неизвестно. Вероятно, там шла какая-то борьба, о которой мы не знаем, но ни Хлгу, ни Олег Моравский (или их реальные прототипы) этой борьбы не выдержали. И это было хорошо: вокняжение вместо Ольги кого-то из ее родичей по линии Вещего вновь разорвало бы объединенную Русскую державу на северную и южную. Объединительные тенденции возобладали, дав Ольге (при поддержке мужа) возможность одолеть соперников-мужчин, а Святослав, ее сын от Игоря, получил наследство уже обеих династий.

В Святославе соединились обе владельческие линии, и на этом борьба «Игоревичей» и «Олеговичей», вероятно, прекратилась. А уже позднее постепенно сложилась легенда, наделившая разнородными взаимными связями таких персонажей как Олег, Рюрик, Игорь, Аскольд и Дир, – первоначально не связанных друг с другом. И новые их «связи» обрисовывали политическую концепцию единственно легитимного рода Рюриковичей, которая (концепция) и господствует, фактически, по настоящее время.

Проигравшие «племянники» русской историей уже спустя сто лет были прочно забыты. А без них и две уцелевшие фигуры, Олег Вещий и Ольга, оказались оторваны и друг от друга, и от общего рода. Каждый стал как бы сиротой, случайным человеком на троне, регентом при отроках-Рюриковичах, единственных законных владыках земли Русской. Ну а тут и до «девушки с перевоза» уже было недалеко...

За нею следовали ее родственницы-княгини...

Законно задать вопрос: а располагает ли историк какими-нибудь *доказательствами* того, что у Ольги имелся знатный род – и вообще какой-нибудь род?

По летописям Ольга – фактически сирота, очень одинокая женщина. Из людей, связанных с нею семейными узами, есть только муж (рано потерянный) и сын Святослав. О ее родителях никаких упоминаний больше нет: может, они просто остались в Пскове, но позднее возникли мнения о ее раннем сиротстве (опять же, скорее всего, из-за отсутствия сведений). Невестки (жены Святослава) неизвестны – ни кто они были, ни сколько их. Есть еще трое внуков.

Писатели (как современные продолжатели Мифа) если и упоминают неких родственников Ольги, то всегда в отрицательном ключе.

«После смерти Ярины княгиня Ольга некоторое время держала ключи у себя. Доверять их кому-либо из своих родичей не хотела: завидующие они все, жадные, только и думают о том, как бы что присвоить». (Семен Скляренко, «Святослав»)

«Жадные родственники», не названные по именам, упоминаются и в романах других авторов. Как будто Ольге и родственников нормальных нельзя иметь! А ведь на той же странице Скляренко пишет:

«Деды и прадеды ее, сидевшие на Киевском столе – а княгиня Ольга по закону считала себя их преемницей, – не сразу накопили это добро...»

Немного расплывчатое утверждение – «по закону считала себя». Так «была по закону» или «считала себя»? Оказалось, что все-таки второе – через много страниц автор приводит сокращенный пересказ истории о встрече на перевозе через Великую: все-таки у него девушка по имени Волга (так!) была сиротой, собиралась в лесу грибы и встретила молодого красивого князя. Тогда непонятно, откуда у нее деды и прадеды на киевском столе. Предков мужа она не могла иметь в виду: Игорь был в Киеве представителем первого, много – второго поколения Рюриковичей, его деды и прадеды здесь не жили. Видимо, двойственность образа повлияла и на Скляренко: он пытался сделать героиню и простой девушкой, и законной наследницей древних князей одновременно. Но были бы эти жадные родственники ее или мужа, выходит, они тоже принадлежат к этому правящему роду. Тем не менее Ольга показана «сиротой» и в политическом, и в бытовом смысле. Ее ежедневный круг общения (они вместе завтракают) по Скляренко составляют двое сыновей, «седоусый воевода Свенельд» и несколько безымянных стариков в черных одеждах – видимо, бояре. И священник Григорий в качестве личного психотерапевта: ему она жалуется, как страшно жить. У других авторов не лучше: Свенельд, Асмуд, Претич... да «отрок с уздечкой»... да и все.

Если верить летописному сказанию, то в середине X века на всем пространстве от Балтийского до Черного моря существовало всего двое представителей высшей власти – Ольга и Святослав. Еще имелись трое сыновей Святослава, но при жизни Ольги они были малыми детьми; только с ним одним, взрослым человеком, Ольга могла с известного времени (примерно с конца 50-х годов) разделить труды и ответственность. И это при полном, практически, отсутствии какого-либо гос. аппарата! Тогда неудивительно, если жизнь сделала бы ее железной леди с ледяными глазами...

Но если привлечь другие источники, по той или иной причине не учтенные летописным сказанием, то все окажется для Ольги не так мрачно. По крайней мере, в ее непосредственном ведении земли было не так много.

Мы уже упоминали о «русской» знати, сидевшей в ключевых точках торговых путей и заключавшей, вероятно, между собой династические союзы. Союзы эти нужны были для решения самых прагматических задач: благодаря единству интересов, путем заключения родства обеспечить мирное и бесперебойное функционирование международных торговых путей. А размах этих путей в раннем средневековье поражает: на востоке они начинались в Китае, а на западе заканчивались в Кордовском халифате, то есть охватывали весь Евразийский континент²⁹. С севера на юг они простирались от Скандинавии до Африки. На территории Древней Руси, вдоль почти всего течения Днепра, эти пути неоднократно перекрещивались, поэтому для людей, умеющих и способных извлекать выгоды из стратегического положения, территории вдоль Волхова и Днепра представляли золотую жилу. Не считая доступа к собственным ресурсам этих земель, имеющих высокую цену на международных рынках: «меха, мед, воск и челядь».

Каковы доказательства, что эта «корпорация» действительно существовала? Во-первых, археология. В десятках пунктов, расположенных вдоль торговых путей, найдены богатые следы схожей культуры с отчетливым скандинавским присутствием. На севере это Старая Ладога и Рюриково городище, Псков (и поселение Горожане), далее Гнездово – на верхнем Днепре, уже за волоками, Чернигов, Шестовицы, Киев. В Белоруссии – Полоцк (с известного времени), Витебск и поселение Кордон, носящее отчетливые следы пребывания скандинавской военно-торговой прослойки. Поселения Кордон (в Белоруссии) и Горожане (в Псковской области) найдены буквально несколько лет назад, и к ним нельзя привязать сведения ни о каких упомянутых в летописях древних городах. Причем в Рюриковом городище сидел некий «король Северной Руси» – об этом говорит внушительный масштаб укреплений IX века, множество найденных там предметов роскоши, показывающих богатство и высокий статус обитателей. В X веке там даже делали тончайшую золотую ленту, нужную для золотного шитья роскошных одежд. У археологов эта культурная близость называется «скандинавская вуаль», и облик этих «придорожных» поселений резко отличается от памятников простого славянского населения. Зато между черепами из погребений Пскова (о которых мы уже говорили) и Шестовиц (под Черниговом) учеными отмечено несомненное сходство типа!

Кое-что нам дают и письменные памятники. Еще в Олеговом договоре с греками 911 года, откуда пошла знаменитая фраза «мы от рода русского», перечислены 15 имен послов – «от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его, – светлых и великих князей, и его великих бояр». Вероятно, эти светлые бояре и другие князья и были вождями перечисленных «варяжских гнезд», находящихся в союзе с Олегом (или в подчинении ему). Ведь именно этим людям, контролирующим торговые пути, нужны были торговые договоры с греками. Пять лиц из этого списка – Карл, Фарлоф, Велмуд, Рулав и Стемид – были посланы в Царьград еще во время предварительных переговоров; возможно, они были для Олега «мужами своими», то есть его людьми, членами его дружины. А остальные десять, получается, представляли князей и светлых бояр, подчиненных или союзных Олегу. Все логично: сначала он при помощи этих князей сколотил войско, с которым можно было диктовать грекам свою волю, а потом от них же поехали послы – пожинать плоды победы и заключать выгодный торговый договор. Но эти люди по именам не названы, и в глазах потомков могучая фигура Олега заслонила не только их личности, но даже сам факт их существования. А ведь не исключено, что среди них находился отец/дед/дядя либо другой глава семьи нашей, тогда еще не родившейся, героини – Ольги.

²⁹ Назаренко АВ, «Древняя Русь на международных путях».

Перейдем непосредственно к ее эпохе и к следующему документу – Игореvu договору с теми же греками 944 года. В нем упомянуты уже 23 персоны, отправившие послов, и они перечислены по именам! Итак, «общие послы»:

Вуефаст от Святослава, сына Игоря
Искусеви от княгини Ольги
Слуды от Игоря, племянника Игоревы
Улеб от Володислава
Каницар от Предславы
Шихберн от Сфандры, жены Улеба
Прастен от Турода
Либиар от Фаста
Грим от Сфирьки
Прастен от Акуна, племянника Игоревы
Кары от Тудка
Каршев от Турода
Егри от Евлиски
Воист от Войко
Истр от Аминда
Ятвяг от Гунаря
Шибрид от Алдана
Кол от Клека
Стегги от Етона,
Сфирка...,
Алвад от Гуды
Фудри от Тулба
Мутор от Уты

Имеется весьма значительная литература, посвященная изучению этих имен: спорам вокруг их происхождения, возможным статусам их носителей. Но нас сейчас не интересует их происхождение (в большинстве – скандинавское). Нам важен сам факт: наряду с тремя членами великокняжеской семьи (Игорем, Ольгой, Святославом) своих особых послов в Царьград отправили еще 21 человек! Из них, вероятно, три женщины (Предслава, Сфандра, Ута), но в данном случае и это для нас не принципиально. Нас волнует, кто же были эти люди, имевшие не меньшее, чем киевские князья, право послать своих внешнеполитических представителей?

На этот счет, как водится, есть разные мнения. Статус их обозначен в самом договоре: «от Игоря, великого князя русского, и от всех князей (всякого княжья)». Что само подрывает концепцию ПВЛ о наличии на Руси в то время единственного княжеского рода – Рюриковичей. Ведь у Рюрика, по ПВЛ, других наследников, кроме Игоря, не было.

Высказывают мнение, что здесь перечислена «старшая дружина» Игоря, которая вырабатывала условия договора и послала людей проследить, чтобы все оформили правильно. (И при этом удивляются, почему не указаны Свенельд и Асмуд.) Но этого не может быть – у «княжых мужей» нет в международном плане собственного голоса, они говорят только у себя в гриднице, а перед иноземными царями за них за всех говорит князь. Есть мнение, что все они были родственниками киевской правящей семьи. Это, по-моему, преувеличение, хотя какие-то из этих людей наверняка состояли с ней в родстве. Важно то, что раз уж они имели своих отдельных внешних представителей, значит, у них были свои отдельные политические и экономические интересы, которые эти представители должны были защищать на международном уровне. Если бы они жили «одним домом», то и посла хватило бы одного на всех.

Двое из этого списка конкретно названы родственниками: Игорь и Акун, племянники Игоря. А где племянники, там, естественно, сестры-братья, мужья сестер и жены братьев, жены и дети этих племянников... Возможно, кто-то из этой толпы присутствует в списке, только без указания степени родства, увы. Судя по тому, что Сфандра обозначена как «жена Улеба», можно думать, что этот Улеб был каким-то родичем Игоря (а русское имя Улеб происходит от скандинавского Олав, одного из самых употребительных имен северных королей).

Следующий документ – абсолютно аутентичный, тот самый протокол приема Ольги в Большом Дворце Константинополя. Интересующие нас отрывки гласят:

«Княгиня вошла со своими родственницами-княгинями».

«...за нею следовали, как сказано выше, ее родственницы-княгини».

«Когда стольником были введены по обычному чину княгини и сделали земной поклон, княгиня, немного наклонив голову на том месте, где стояла, села за отдельный стол с зостами (придворными дамами – Е.Д.) по чину».

«В Золотой палате состоялся другой званый обед; там кушали все апокрисиарии Русских князей, люди и родственники княгини и торговые люди и получили: племянник ее 30 милларисиев, 8 приближенных людей по 20 милларисиев...»

«...и дано было княгине на золотом блюде с дорогими камнями 500 милларисиев, шести приближенным женщинам ее по 20 милларисиев и 18-ти прислужницам по 8 милларисиев»³⁰.

Русским словом «княгини» переведено греческое «архонтиссы». Архонтами назывались вообще главы чего-либо, в данном случае – варварских держав. Саму Ольгу Константин тоже называет архонтиссой. Но мы видим, что в протоколе трижды упомянуты другие княгини, из них два раза – княгини-родственницы Ольги. Один раз упомянут «племянник» (скорее ее собственный, чем мужа), и вообще «родственники княгини», хотя возможно, в эту категорию Константин включил архонтисс и племянника. Кто были эти «княгини-родственницы»? Уже обозначенные нами матери, сестры, жены, а то и дочери Игоревых двух племянников; но может быть, что и сестры либо невестки (жены братьев) самой Ольги – ведь ее племянника кто-то должен был произвести на свет. Число ее сопровождающих почти совпадает с числом властных персон, отправивших послов для заключения Игорева договора 12 лет назад, а значит, скорее всего, состав Ольгиной делегации формировался по тому же принципу, что и Игоревое посольство.

Жаль, что Константин никого больше не назвал по именам. Назови он по имени племянника или хоть кого-то из родственников, у нас появилось бы гораздо больше материала для сравнения и оснований для выводов. Но благодаря этому приему можно считать за несомненный факт: сиротой Ольга не была. Уж греки, составляя план предстоящего приема (а у них на это было месяца три) дотошно выпросили, кто эти люди и в каких отношениях состоят с «главной» русской княгиней. От этого ведь зависело все: как им заходить, где стоять, с кем за одним столом есть, какого размера получать подарки... И если Константин не сомневался, что с Ольгой приехал один племянник и как минимум шесть родственников равного ей ранга, мы смело можем ему поверить. Он ведь всех этих людей видел своими глазами.

Куда же все эти «княгини-родственницы» делись потом? Можем ли мы отыскать какие-то их следы?

Ответ оптимистический: да, можем. Нескольких из этих женщин мы можем отыскать – где они жили и где были похоронены.

Вспомним камерный могильник в Пскове, о котором мы уже упоминали. Итак, камерное погребение 1, Старовознесенский 1 раскоп, 2003/2004 гг. В погребальной камере нахо-

³⁰ Перевод Е. Голубинский, История русской церкви, I, 2 изд, М. 1901.

дился скелет женщины, которая была захоронена, судя по расположению костей, в сидячей позе (это скандинавская традиция). Характер погребения свидетельствует о ее высоком общественном положении и богатстве: на костяке было обнаружено 48 находок, целых предметов или фрагментов вещей. Всего в камере было обнаружено более 60 предметов, среди которых, помимо ювелирных украшений, хозяйственный инвентарь, декоративные детали одежды и утвари, изделия из цветных и драгоценных металлов. Более двух десятков ювелирных украшений – изделия из серебра, некоторые со следами позолоты. В целом все типы вещей из захоронения известны по материалам некрополей Гнездова (близ Смоленска, запомним его), Киева, Шестовиц (близ Чернигова), Тимирева (Ярославская область), Бирки (Швеция) и других памятников – тех самых, где проживала «русь» как торгово-военная корпорация, контролирующая узловые точки (эти самые) международных торговых путей. В состав ожерелья погребенной входили, кроме стеклянных и серебряных бусин и подвесок, две византийские монеты с ушками для привешивания (из монет часто делали подвески к ожерелью, к их использованию как стандартного платежного средства у людей привычки еще не было). Монеты представляют собой позолоченные серебряные милиарисии Романа I (920–945 гг.) и соправителей Константина VII и Романа II (внука Романа I). Именно эти двое, Константин и сын его Роман, принимали Ольгу в Царьграде. Далее приведем прямую цитату:

«Наличие монет с изображением крестов и христианских императоров само по себе значимо и информативно. Несомненно, они выполняли важную символическую и меморативную функцию для своей хозяйки как при жизни, так и после кончины. Контекст погребального комплекса – датировка, особенности обряда, наличие серебряного креста – позволяет отнести их к предметам личного благочестия одной из первых русских христианок... В данном случае представляется возможным соотнесение находок из камеры 1 с известным фактом раздачи милиарисиев Константином VII во время посольства княгини Ольги в Константинополь в 957 г.»³¹

Помните – «...и дано было княгине на золотом блюде с дорогими камнями 500 милиарисиев, шести приближенным женщинам ее по 20 милиарисиев и 18-ти прислужницам по 8 милиарисиев». Да уж конечно: для того времени съездить в Царьград, особенно женщине, было все равно что сейчас в космос слетать. Милиарисии, полученные фактически от самого византийского императора, ценились не только за свой вес в серебре. Неудивительно, что как минимум два из них были позолочены и подвешены в ожерелье какой-то из «княгинь-родственниц», которая, вероятно, окрестившись вместе с киевской княгиней, потом вернулась домой в Псков и всю оставшуюся жизнь рассказывала, что повидала.

Украшения этой женщины, по материалам указанной статьи, относятся к «гибридному» типу ювелирных изделий, совместивших в себе славянско-русскую ювелирную технологию и скандинавскую тематику. Там же обнаружена маленькая серебряная фибула, служившая для застегивания нижней сорочки и принадлежащая к типу, чье распространение практически ограничено Биркой (Швеция). Был найден серебряный нательный крестик с четырьмя лопастями – подобные известны в камерных погребениях Северной Европы и Древней Руси. Яркой находкой являются две скорлупообразные фибулы, бронзовые с позолотой – обнаружение их несомненно свидетельствует, что погребенная одевалась в скандинавской традиции, носила наплечную одежду, напоминающую поздний русский сарафан. Такого рода застежки во множестве обнаружены в скандинавских странах, а еще в Новгороде, в Гнездово, в Шестовицах, в Киеве...

Время совершения погребения учеными определяется, по совокупности разных факторов, как 3-я четверть – конец X в. То есть после поездки Ольги в Царьград (957 год), но в

³¹ Из книги «Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века», Е. А. Яковлева, Камерное погребение 1.

пределах жизни того же поколения людей. Погребенная женщина умерла в возрасте 25–35 лет; самой Ольге во время поездки в Царьград могло быть чуть меньше сорока, то есть они были примерно ровесницы.

Итак, обнаружение и исследование этого погребения проливает довольно яркий свет сразу на многие вопросы. Женщина, несомненно, принадлежавшая к местной верхушке, имела скандинавское происхождение, но уже испытала большое влияние славяно-русской культуры. Весьма вероятно, что она съездила с Ольгой в Царьград, откуда привезла полученные в подарок от императора серебряные монеты и нательный крестик. Если она действительно была одной из тех «княгинь-родственников», то это подтверждает и Псков как место рождения, и знатный род, и этническое происхождение самой Ольги. Предположение, что Константиновы милиарисии попали в ожерелье погребенной в Пскове женщины именно так, будет наиболее простым и прямым выводом из фактов. Мы не знаем, увы, кем погребенная приходилась Ольге – сестрой, невесткой, племянницей? Но, глядя на ее «посмертное приданое», и облик самой Ольги становится представить гораздо легче.

Погребение номер 4 того же могильника содержало останки мужчины 45–50 лет. С собой на тот свет ему дали некое холодное оружие с костяной рукоятью, от которого сохранилось навершие в виде колпачка – серебряное, литое, с рельефным орнаментом, с золочением и чернью. Для X века техника чернения – редчайшая, до того она была обнаружена лишь на оковке рога из Черной могилы, княжеского погребения из Чернигова³². Подвешивалось это оружие на серебряные колечки. Также в погребении найдены «обрывки золото- и серебрянопряденных нитей, а также несколько серебряных и золотых проволочек. Вероятно, они представляли собой остатки парчовой ткани. Как известно, в X в парчовые ткани, поступавшие на Русь, производились в Византии, где их изготовление являлось государственной монополией. Экспорт из Византии подобных материй был сильно ограничен, и они попадали в Западную и Восточную Европу преимущественно в числе посольских даров, в качестве военной добычи или торговых пошлин. Находки нитей из драгоценных металлов, свидетельствующие о существовании в гробнице богатой шелковой одежды, довольно определено говорят о достатке и нерядовом положении мужчины, погребенного в четвертой камере»³³.

Датировка та же: вторая половина – конец X века. Да уж не наш ли это «племянник»? Или муж какой-нибудь из княгинь-родственников. Во всяком случае, оружие и одежда погребенного вполне соответствуют положению человека, принадлежащего к княжеской семье и получавшего дипломатические дары.

А сейчас будет, пожалуй, самое интересное. Этот сюрприз нам преподносит тоже археология. Гнездовский комплекс, 12–15 км от современного Смоленска. Об уникальности этого памятника можно прочесть во многих работах, но для незнакомых с ним скажу коротко: это крупный раннесредневековый центр, гнездо поселений, крупнейший в Европе (!) могильник эпохи викингов и в целом богатейший, драгоценнейший источник наших знаний об этой эпохе и о ранней истории Древней Руси. Среди тысяч его погребений рассмотрим одно: под шифром Оль-30 (Ольшанская курганный группа), исследованное в 1988 году. Это большая камера (того же типа в целом, что и рассмотренные нами псковские погребения), устроенная в то же время – во второй половине X века, где были похоронены двое мужчин, две женщины и две лошади. Среди прочего «посмертного имущества» погребенных были обнаружены маленькие стеклянные пластинки, похожие на обточенные осколки оконного стекла. Форму они имеют квадратную, круглую, ромбовидную, прямоугольную и листовидную (каплевидную). Цвет –

³² Черную могилу со времен обнаружения (в XIX веке) датировали временем Святослава (из-за чего в погребенном пытались увидеть воеводу Претича), но, по последним данным, она была устроена позже – во времена Владимира и даже, возможно, ее верхний предел датировки – 1025 год. А значит, черненные вещи из псковских камер – самые ранние на Руси. Из известных на сегодняшний день.

³³ Там же, Т.Е. Ершова, Е.А. Яковлева, Камерное погребение 4.

сиреневые, бирюзовые, голубые, зеленые, синие, темно-желтые. Судя по расположению, они украшали некую одежду (несохранившуюся), на которую были нашиты шелковыми или золотыми нитями – эти нити в погребении тоже найдены.

Я видела эти осколки своими глазами на выставке «Меч и златник» в ГИМе. Вид их вызывает удивление: беспорядочная, на первый взгляд, кучка мелкого стекла, причем края у них грубые, опасные на вид – кажется, возьмешь в руку, порежешься. А между тем эта странная на вид находка позволяет сделать удивительные выводы.

«Возможный путь реконструкции этой погребальной одежды дает мраморная икона св. Евдокии из монастыря Липс в Константинополе, датируемая нач. X в. Выполненная из разноцветного мрамора фигура женщины в полный рост инкрустирована прямоугольными вставками из стекла тех же цветов, что и гнездовские экземпляры – красного, зеленого, синего и бирюзового (рис. 9). Очевидно, мастер стремился отобразить богатство одеяния, соответствующего ее императорскому статусу. Ценность византийского официального костюма составляли не только шелк и золотное шитье, но и значительное количество драгоценных и полудрагоценных камней, нашитых на текстильную основу. [Maguire 1997, p. 184–191]. Чем выше был ранг чиновника, тем больше камней помещали на его одежду, и тем труднее ему было перемещаться [Gerstel 1997, 42–43]. Подражая облачению византийских императоров, короли франков носили парадную одежду, украшенную камнями. В “Псалтыри Лотаря” (842 г.) есть портрет короля в тунике и плаще, расшитых цветными накладками круглой, овальной и прямоугольной формы (рис. 10). Такими же вставками инкрустированы туфли, ножны меча и основание трона. Очевидно, что художник изображал дорогие камни, подчеркивающие величие инсигний власти [Wamers 2005, S.37, Abb. 6]. Стекланные пластины заменяли, вероятно, драгоценные камни, украшавшие парадную одежду василевса и его приближенных. Можно предположить, что шелковые одеяния, расшитые цветными стеклами, изготавливали в императорских мастерских специально для дипломатических даров. В мире “варваров” их потребителями были архонты и знатные люди, стремившиеся получить парадные облачения представителей константинопольского двора. Аналогичные накладки только в меньшем количестве найдены в Киеве (27 экземпляров) и Пскове»³⁴.

Длина этой камеры – 6.7 м, ширина – около 5 м, глубина – 2. Это целая подземная комната, даже по современным меркам довольно большая. Для поддержания перекрытий в ней использовался опорный столб – как в настоящем жилье. Общее содержание гнездовского погребения (наличие посмертных спутников, людей и животных, огромное количество дорогих импортных вещей) дает основание заподозрить, что погребен здесь современный Ольге князь Смоленской земли – или его жена. Та, которая уже верно вошла бы в число спутниц княгини Ольги в поездке в Царьград. Конечно, мы не можем утверждать, что все именно так и было. Но объяснить именно этим появление в погребениях древнерусской знати второй половины X века таких дорогих и статусных вещей, указывающих на контакты с Византией, будет, мне кажется, наиболее логично.

Еще такие же стеклышки найдены в Киеве, а погребении того же времени, устроенном для молодой женщины – 16–18 лет (камерное погребение номер 49, в районе Михайловского Златоверхого монастыря). Оно содержало около 70 находок, множество драгоценных украшений; и гнездовское, и киевское погребение относятся к самым интересным, богатым и представительным для своего памятника.

Еще один набор таких же стеклышек (54 штуки) найден в погребении «девочки с соколом», о котором мы рассказывали ранее. Т. Е. Ершова³⁵ приводит иную версию их применения:

³⁴ Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в.

³⁵ Камерное погребение 7, в книге «Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века». Нестор-История, Санкт-Петербург, 2016.

как часть декора ларцов. Но все же нельзя исключить и то, что это было украшение «парадного платья для варварских царей». То, что эти взрослые вещи найдены в детском погребении, означает высокий статус семьи, из которой девочка происходила. В раннем средневековье стекло не было такой дешевой бижутерией, как сейчас: тогда цветное стекло вставляли в ювелирные и другие изделия из драгметаллов, в одном ряду с драгоценными камнями.

Очень жаль, что не было тогда обычая ставить могильные камни с надписями – и теперь нам остается лишь гадать, действительно ли эти женщины входили в число «княгинь-родственников» Ольги и побывали вместе с ней в Царьграде. Но мне представляется, что их погребения дают основания думать именно так. Видя найденное археологами их посмертное приданое, совсем нетрудно представить, как они следуют за Ольгой по мраморным полам Большого Дворца, дивясь на мозаики и роспись стен...

Княгиня Ольга и символика перевоза

В завершение «добрачной» части Ольгиной биографии рассмотрим важную часть Мифа – историю о «девушке с перевоза». Сведения о том, как княгиня Ольга до замужества работала перевозчицей на реке и там познакомилась с Игорем, известны только с 60-е годов XVI столетия и происходят из «Степенной книги царского родословия», куда включено «Житие... великой княгини Ольги, нареченной во святом крещении Еленой...». Однако эта история прочно вошла в «большой миф о княгине Ольге» и как важная часть его заслуживает, чтобы мы уделили ей некоторое внимание. В ней намешано столько разных и в то же время тесно связанных между собой мотивов, языческих и христианских, что даже беглый их обзор покажет, как хорошо эта история дополняет двойственный образ «жестокой святой».

«Степенная книга» как таковая – исторический труд, написанный в XVI веке, с целью изложить историю власти на Руси начиная с древнейших времен и предназначалась для самого главного читателя – царя Ивана Грозного. Вся она пронизана идеологией утверждающегося позднесредневекового самодержавия, и это очень хорошо видно в изложении жизни княгини Ольги: Игоря она называет «великий самодержец, великий государь русский», а о древлянах говорит следующее:

«...И как мы ныне сумеем преуспеть против наших врагов, убийц своего господина, ненавидящих царскую власть над собой. За это пусть они примут мечь, чтобы прекратилась в Русской земле дерзость злых помышлений против самодержцев, пусть и другим будет неповадно убивать правящих ими на Руси, и пусть они со страхом повинуются величю царской власти и властителям Русской земли. И тогда снова наступит у нас мирное время...»³⁶

Очевидно, что подобные слова и мысли рождены были не в X веке, а в XVI. Но вернемся к началу. Историю знакомства «Степенная книга» излагает так:

О великом князе Игоре, как он сочетался браком с блаженной Ольгой. Когда еще совсем юный Игорь был в Псковской земле – рассказывают некоторые дивное сказание – однажды тешился он охотой и увидел на той стороне реки хорошую добычу; и не мог он перейти на ту сторону реки, потому что не было лодки, и увидел он, что кто-то плывет по реке в лодке, и позвал он лодочника к берегу, и велел перевезти себя за реку. И когда плыли они, взглянул Игорь на гребца того и увидел, что это девица (а это была блаженная Ольга) совсем юная, красивая и отважная. Он никогда ее раньше не видел, и вид ее поразил его (а ведь сказано в Писании: «Похотливые очи зарятся на запретное»). И разгорелась в нем страсть, и обратился он к ней с бесстыдными словами. Она же поняла коварство этих непристойных слов и, пресекая его непристойные речи, не как юная, но как умудренная зрелым умом, сказала, обличая его: «Зачем напрасно позоришь себя, о князь, склоняя меня на срам? Зачем, думая о неподобающих вещах, постыдные слова произносишь? Не обольщайся, видя меня, молодую девушку, совсем одну, и не надейся – не возьмешь меня силой. Хоть я неученая, и очень молодая, и проста нравом, как ты видишь, но я понимаю, что ты обидеть меня хочешь и говоришь непристойные слова, которых я и слышать не хочу. Лучше подумай о себе, откажись от своего помысла. Пока ты юн, блюди себя, чтобы не победило тебя неразумие, чтобы не пострадать тебе самому. Откажись от всякого беззакония и неправды – если ты сам будешь побежден разными постыдными делами, то как сможешь другим запрещать неправду и как сможешь праведно управлять державой своей? Знай, что если ты не перестанешь соблазняться моей беззащитностью, то лучше мне будет, чтобы глубина реки этой поглотила меня, чем быть тебе на соблазн, так я избегну поругания и позора, а ты не впадешь в соблазн из-за меня». И много другого разум-

---

³⁶ Подготовка текста Л. А. Чуркиной, перевод О. П. Лихачевой.

ного сказала она о целомудрии. Это первое проявление, благое и достойное удивления, благо-разумного юношеского целомудрия блаженной Ольги, еще не знающей Бога и заповедей его не слышавшей. Такую премудрость и чистоты соблюдение обрела она от Бога, что удивился Игорь зрелому ее разуму и благоразумным ее словам. И сразу Игорь отказался от своего юношеского порыва, и, устыдившись, в молчании перебрался через реку, запечатлев все это в сердце своем до времени, и вернулся в Киев. Когда же пришло время, повелел он, чтобы нашли ему невесту, и стали ему подыскивать ее, как это было в обычае для властителей. И многими он пренебрег и вспомнил дивную в девицах Ольгу, отвагу и красоту которой видел своими глазами, и из уст которой слышал речи разумные, и целомудренный нрав которой видел. И послал он за ней родича своего, вышеназванного князя Олега, и взял ее в жены с подобающей честью, и так сочетались они законным браком³⁷.

Слушая сказку, не принято задавать вопросы, а иначе мы спросили бы: каким это образом Игорь охотился почти за тысячу километров от Киева – по тем временам это два месяца пути? Дмитрий Ростовский написал, что Игорь охотился под Псковом в то время, как они с Олегом по делам управления пребывали в Новгороде, но несколько путается: было это до их вокняжения в Киеве или после. (Даже в этом случае молодой человек заблудился километ-ров на двести.) И почему оказался так далеко от дома совершенно один – никаких его спут-ников в той утлой лодочке явно не было, как не было и лошади, без которой ему придется эти двести километров проделать пешком. Но таких вопросов не задают, слушая о приклю-чениях царевича, который свободно бродит «один, как перст, без провожатого» по чудесным царствам и встречает прекрасных девиц, богатырш и волшебниц. На такое же восприятие рас-считан и этот сюжет. Мы уже в достаточной степени рассмотрели вопрос, почему реальная Ольга не могла быть «девушкой с перевоза». Но и сама история ясно обнаруживает фольклор-ные истоки «дозамужней профессии» Ольги. «Степенная книга» писалась в Москве, где мест-ные псковские реалии известны были плохо: наличие перевоза там весьма сомнительно. Близ Выбутского погоста находится очень длинный порожистый участок, который переходят вброд. Именно перевоз мог в этом сюжете возникнуть по аналогии с Кием, который тоже «незнаю-щими» выставлялся как перевозчик. Как писал С. В. Алексеев в статье «Начальный летопис-ный свод и предания о дописменной истории»: «...в Начальном своде уже упоминаются раз-личные, явно фольклорные, версии образа Кия: Кий-князь, Кий-охотник, Кий-перевозчик. Если первые два варианта успешно контаминируются летописцем ниже, то с последним (Кий-перевозчик) дело обстоит сложнее. Занятие перевозом являлось эквивалентом «простого» происхождения. Когда в народном сознании княгиня Ольга сделалась простолюдинкой по про-исхождению, фольклор превратил ее именно в перевозчицу».

Вероятно, образ Кия-перевозчика изначально определил «добрачную профессию» Ольги: как Кий был первым киевским князем и основателем самого города, так она была пер-вой христианкой в его роду и «начальницей веры» на Руси. Поэтому вполне естественно, что у них нашлось нечто общее: начальная точка, с которой они начали свое восхождение.

Но и сам по себе брод, перевоз, переправа через реку в славянской мифологии – весьма значимые явления. У славян есть близкие к этому сюжету фольклорные мотивы, основанные на образах «добрый молодец – красна девица – переправа через реку». Например, в песне «Когда было молодцу пора-время великая» из Сборника Кириши Данилова (XVIII в.) молодец подъез-жает к реке Смородине и просит ее показать броды и мосточки. Река отвечает ему «человече-ским голосом, да и душой красной девицей», что обычно берет с «кониного брода» по коню, а с калинова мосточка – по удалому молодцу», но его она и так пропустит. Переехав через речку, молодец начинает над ней насмехаться, дескать, «она хуже, быстра река, тое лужи дождевые». Тогда река Смородина заманивает его и, разлившись, топит в глубоком омуте, приговаривая,

³⁷ То же.

что погубила его похвальба. Мотив этот, видимо, общеславянский: в южнорусском фольклоре есть сюжет о встрече молодца с «бродницей» или «виллой-водарицей», которая охраняет реку либо переправу и в уплату требует от проезжающих части тела. Причем погубить может даже того, кто после встречи с ней якобы благополучно уехал домой – он умирает уже там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.